

КРОКОДИЛ

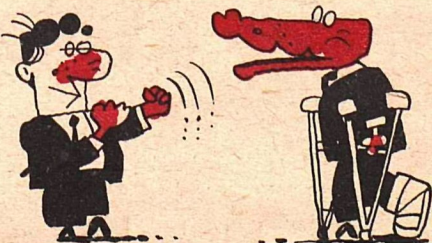
ISSN 0130-2671

№ 31

НОЯБРЬ 1990

В. МОЧАЛОВ.

**НУЖЕН ЛИ ПАРЛАМЕНТ
В ЖЭКе?**

Стр. 7.

КРОКОДИЛ№ 31 (2689)
ноябрь 1990ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДАУчредители:
трудовой коллектив редакции
журнала «Крокодил»
и издательство ЦК КПСС
«Правда»Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:**

М. А. АБРАМОВ,
А. В. АНИКИЕВ,
Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(первый зам.
главного редактора),
С. С. СПАСКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.Редакция не рецензирует
присланные литературные
и изобразительные материалы.
Рукописи объемом меньше
2 печатных листов
не возвращаются.НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.Сдано в набор 01.10.90.
Подписано к печати 08.10.90.
Формат бумаги 70×108%.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 050 000 экз.
(1-й завод: 1—2 247 095).
Зак. № 2880.
Цена 30 коп.Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1990.

Читателя надо любить.
Эту непреложную истину мы впитали если и не с материнским молоком, то уж, во всяком случае, с первыми чернилами, употребленными на фельетоны, «вилки», репортажи, призванные защитить человека от невзгод и несуразностей общественной, экономической и политической жизни.

Тем более надо любить читателя сегодня, когда подтверждение взаимности требует от него немалых финансовых затрат. Нет, это не намеки на нынешнее поистине разбойное повышение стоимости подписки на периодику. Это, увы, констатация свершившегося. Снова проворная государственная рука знакомым маршрутом залезла в наш с вами карман, и без того зияющий прорехами, чтобы в очередной раз подлатать дырчатые бюджеты министерств и ведомств.

А ведь, помнится, обещали высокие наши руководители, что отныне ни одного серьезного дела не станут начинать без совета с народом. Обещание это легло одним из кирпичей в фундамент гласности и перестройки.

Непрочным оказался кирпичик, ох, непрочным...

Однако об этом поговорим в другой раз. А сегодня — о любви. Нашей к читателю, читателя к нам — пишущим, рисующим, редактирующим сатирический журнал.

Уже не раз было говорено, что любовь эта должна быть взаимной, что здесь неприемлема пресловутая формула сферы обслуживания — «Клиент всегда прав». Неприемлема уже хотя бы потому, что мы никого, по крайней мере в последние годы, не обслуживаем. Мы служим. Гласности, обещающей перейти в свободу слова, демократии, трудно поднимающейся с четверенек.

Служим в конечном итоге людям, дерзнувшем попытаться сделать жизнь в своей стране достойной человека и самой страны.

В этой непростой работе читатель — наш первейший помощник. Если, конечно, он требователен, взыскателен, но и справедлив, корректен. Если он хочет, чтобы его уважали, а не ублажали.

Надо сказать, что именно таких людей среди подписчиков и читателей «Крокодила» большинство. Именно они помогают журналу не шарахаться в крайности, видеть призвание сатирика в радении труженику. Мы благодарны и признательны им за это.

Но, как говорится, в семье не без...

Конечно, можно игнорировать эти оскорбительные выпады, можно кидать их в мусорную корзину. Но это страусиная политика. Нам она не подходит, ибо мы привыкли говорить начистоту со всеми, кто обращается в журнал. Без заискивания и заигрывания. Правда, дается это, должен признаться, не просто. Ибо трудно держать себя в рамках, читая то прокурорские обличения, то неудержимо самоуверенные поучения, то площадную брань.

Вот лишь несколько примеров подобного рода посланий.

Нашему читателю И. В. Пахомову из Краснодарского края не понравилась публикация А. Крушинского о «пражской весне». Ну поспорь с автором, вы-

скажи свои замечания спокойно и убедительно. Ан нет, не устраивает Пахомова такая форма общения. Он уличает и обличает автора, предварительно оскорбив половину редакции. Далее — приговор: «Если вы и далее будете так «строить свой юмор» на нацистской «пражской весне», как это искусно удалось Крушинскому, — «Крокодил» превратится в «Дикобраза».

В заключение письма И. В. Пахомов дает нам ценные рекомендации: «Когда пишете материалы (особенно о сельской глубинке) — отрывайте свои мягкие места от кресел хотя бы потому, что трудовой народ этих сельских мест обеспечивает всем вам пресыщенную жизнь».

Ну что тут сказать, о чем спорить? Предъявить обличителю копии командировочных удостоверений, свидетельствующих о том, что наши фельетонисты восемь месяцев в году не вылезают из этой самой глубинки? Так ведь не поверит, уличит в подлоге.

Можно ли любить такого читателя, даже если он «коммунист 40-х огненных лет, ветеран войны и труда»? Впрочем, вопрос чисто риторический. Знаю, что истинные наши читатели не подписались бы под приведенными выше строками Ивана Васильевича Пахомова.

Но он хоть подписал свое письмо. А вот читатель из Саратова осмелился только на один инициал — Ф. — в конце

УВАЖАТЬ, А НЕ УБЛАЖАТЬ

Г. и В. КАРАВАЕВЫ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...

(выпуск десятый)

напечатанного на машинке оскорбления. Может, боялся, что станем искать по почерку. Не станем: много чести для злобствующего и трусливого анонимщика, считающего «Крокодил» «прибежищем антикоммунизма и холуйства перед американцами...». Крепко сказано? Однако тут есть и покрепче формулировки. Вот одна из них:

«Людам (то есть нам.— Ред.), способным высмеивать приверженность к коммунизму и марксизму-ленинизму, жалким ренегатам, советский трудовой народ даст еще молотом по башке и серпом — тоже даст.

Не «крокодилам», «огонькам» и прочей бумажной дряни определять сознание народа».

Комментарии, думаю, излишни. Автор явно застрял в прошлом, его догмы и установления. Прищемила, должно быть, перестройка ему хвост. Вот и свиристует.

Возможно, кто-то скажет: а стоило ли обращать внимание на эти письма? Ведь они нетипичны. Думаю, что стоило. Уверен, что стоило. Ибо за ними — люди, присвоившие себе право обличать, учить, разносить всех и вся, люди, тормозящие и без того трудно идущие процессы обновления в стране. И надо, чтобы мы знали о них, учитывали их реакцию в своих делах и планах, старались, если, конечно, это возможно, помочь им излечиться от синдрома застоя. Скажете: наивно. Может быть. Но ведь и это наши читатели. И они нам безразличны. Вот потому мы говорим и будем впредь говорить со всеми читателями. Спорить и дискутировать, давать отпор и поддерживать. Ибо мы знаем, что большинство из них достойны любви и уважения.

На них и надежда.

Виктор
МИРОКОВ

МЕРА

Когда свести придется

с жизнью счеты,
не бойся ни изжоги, ни икоты;
богат ли, беден — същется палата,
знай лишь одно: за все —
тройная плата.

Поэтому вперед иди спокоен,
нет дела никому, что ты расстроен
(ах, сколько раз в тиши других палат
ты был расчетверен или распят!).
Как ни умен ты был, как ни удал,
а жизнь прожил — в трех соснах
проплутал.

Глаза протри и строго посмотри,
ведь главная на свете цифра три.
Лишь минет час печальный похорон,
на лодке встретит каждого Харон.
Не торопись тогда уже назад.
Есть три реки, какими славен ад,

В начале сентября завершились короткие парламентские каникулы. Впрочем, и короткие-то были не у всех депутатов: в Литве, Молдове, Армении, Азербайджане, ряде других республик парламенты трудились непрерывно, иногда день и ночь — ситуация вынуждала.

А союзный Верховный Совет 10 сентября ровно в 10.00 вновь собрался в Кремле на очередную, 4-ю сессию. Собрался, чтобы срочно сказать свое веское «да» (либо свое же не менее веское «нет») экономической программе перехода к рынку. Да, именно так: перехода к рынку. Не к «регулируемому», не к «социалистическому», а просто — к рынку. Все уже, кажется, поняли, что не бывает ни первого, ни второго: рынок или есть, или его нет вовсе. Как у нас... Правда, экономисты говорят, что у нас все же и до сего дня существовал и существует рынок. Только он не нормальный, как у других, а свой, особенный — «теневой», «черный»...

А программ, как известно, было минимум три: правительственная, президентская, группы Шаталина... Сейчас, когда вы читаете эти строки, Верховный Совет принял свое решение, и мы уже двинулись к рынку... А всего месяц назад еще всю ломались полемические копы, что некоторым образом и зафиксировано ниже, в нашей традиционной парламентской рубрике.

Горбачев М. С. Если вы начинаете полемизировать, то надо быть абсолютно точным. Вот свидетели: вопрос был только о земле. Если втянемся в референдумы о том, какой быть собственности и так далее, то запутаемся. Только о земле, на которой мы живем.

Шаталин С. С. Вы видите, какой я послушный...

Горбачев М. С. Так и должно быть.

Шаталин С. С. Это только с виду... Я как Марадона.

Шаталин С. С. Когда мы работали, я сказал своим молодым друзьям: вот если будете хмурыми и я хоть раз не увижу улыбок — буду вас штрафовать, причем не в рублях, а в твердой, свободно конвертируемой валюте... Улыбайтесь, потому что улыбка, особенно капитана команды, является могучим фактором, который заставляет людей двигаться.

...Я готов помогать в работе и нести ответственность за программу в любой форме. Товарищ даже спросил: а в уголовной форме готов отвечать? Я подумал: срок мы назвали — 500 дней. Пожалуй, готов к ответу и в уголовном порядке за реализацию этой программы. 500 дней провести в тюрьме ради народа можно...

Журавлев А. Г. ...Именно вопрос о власти... является, с моей точки зрения, вопросом номер один: не вопрос о правительстве, а вопрос о власти. Потому что, как говорят в Одессе, правительства приходят и уходят, а бандиты остаются...

Стародубцев В. А. Или как понимать, что работник колхоза может выйти из хозяйства с долей накопленного имущества в натураль-

ной форме? Это что, с колесом от трактора, или бункером от комбайна, или стеной от сарая?..

Сухов Л. И. Действительно, мы пытаемся решить вопрос нашей экономики. Но мне кажется, не сняв брюк, нельзя снять трусы...

...Мне кажется, шаталинская программа напоминает воздушный лайнер, который может взлететь, а может и не взлететь, а если взлетит, то неизвестно, сядет или не сядет, прибудет ли к месту назначения, или нет...

Мартиросян В. А. ...Мы все оказали доверие М. С. Горбачеву, часть из нас оказала доверие Б. Н. Ельцину. Коль они сегодня объединились, коль некоторые наши академики обещают, что выведут страну из той ситуации, в которой мы оказались... Думаю, мы имеем право и предупредить их, что если случится такое, что они могут нас утопить, то в первую очередь мы их утопим, а потом уж сами утонем...

...Мы уже произвели столько, что начинаем уничтожать ракеты. Вы не представляете, что, когда приезжали американские эксперты, мы даже шахты приводили в порядок, тратили столько денег, а после того, как американцы посмотрели и ушли, мы их разрушали. То есть деньги тратили на то, чтобы показать на один час, а потом это все уничтожали...

Бурлацкий Ф. М. ...Я позволю себе, подражая С. С. Шаталину, рассказать анекдот, который сочинили американцы по поводу нашей экономической реформы. Он имеет глубокий смысл.

Президент Буш знает, что среди 100 охранных есть один, который хочет убить его, но не знает кто. Президент Миттеран знает, что среди 100 женщин, которые его окружа-

ют, есть одна, которая болеет СПИДом, но не знает кто. Президент Горбачев знает, что среди 100 экономистов есть один, который знает, как перейти к рынку, но не знает кто...

Васильев Б. Г. Раздаются голоса: «Правительство в отставку, давайте посадим новое!» Но ведь даже в программе С. С. Шаталина записано, что до середины 1991 года все останется как есть. Что-то меняется, но остается тот же госзаказ, предлагаются старые связи и страх наказания за их невыполнение. Кто будет осуществлять руководство, если у нас не будет этого правительства? У них есть телефонные справочники, они знают, кому позвонить и с кем наладить связь...

Олейник Б. И. Не надо закрывать глаза и на тот факт, что вначале резко обозначился расслоение на богатых и бедных. Я уверяю вас, что у нас нет школы меценатства, и наши богачи будут грести до посинения, а другая часть населения будет синеть, но уже по другой причине...

Травкин Н. И. ...Два года назад, на XIX партконференции, когда шли споры о перестройке, Юрий Бондарев говорил, что не стоит поднимать самолет в воздух, если мы не знаем, куда он сядет. Время идет, ставки растут. Сегодня перестройку уже сравнивают не с самолетом, а с лайнером... По-моему, мы очень привередливы в выборе средств передвижения. А речь идет о движении из ямы... В нашей ситуации, если бы была предложена какая-то повозка, которая вывезет из болота, в котором мы оказались, то с удовольствием надо бы на нее садиться...

Кириллов В. И. Когда я выхожу на трибуну, в зале, как правило, уже раздается смех. Потому что все знают, о чем я буду говорить. Поэтому сегодня я хотел бы начать немного с другого. Сегодня во время обеда было предложено два первых блюда. Одно называлось «рассольник», другое — «суп овощной». Внешне они были очень похожи, и мы спросили у раздатчицы: а чем они отличаются? «Вы знаете, — говорит, — из одного котла наливали...»

Сазонов Н. С. ...Мы договорились, что эта трибуна больше не будет использоваться для выяснения отношений между партиями. Я поддерживаю в этом и Г. И. Янаева, и А. С. Дзасохова. Но и вчера, и сегодня это нарушается. И прошу не причислять А. А. Собчака к социал-демократам. Он из организации «беспорточных»...

Копья, ломавшиеся в парламентских баталиях, коллекционировал Григорий КРОШИН.

они текут, как стон сквозь долгий сон,
то реки Стикс, Коцит и Флегетон.
Трехглавый пес у адовых ворот
свою добычу зорко стережет.
Нет чудища, что Цербера страшней,
заместо шерсти — мириады змей.
Для тех, кто не жил с совестью в ладу,
три судьи душу будут ждать в аду:
навек Еак, Миной и Радамонт
легко судьбы обрубят горизонт.
На муки ли сошлют, вину деля,
а может — в Елисейские поля...
Уж воздадут, коли чинил обиды,
три фурии ужасных, Евмениды
(Алекто, Тисифона и Мегера),
воздать трикраты — праведная мера.
Поэтому заранее покаяйся
и от своих грехов не отрекайся.
Сходя навек в подземную обитель,
пойми: ты — жизни собственной
строитель,
пускай потомок, разный мусор роя,
решает: это Троя ли, не Троя...
Но было рвенье, пенье и терпенье,
и высылось твоей судьбы строенье.

СЛОНОВОСТИ

Шуршат лианы занавесок,
последний отгоняя сон.
И вот под кафельным навесом,
проснувшись, зубы чистит слон.

Из крана бьет струя ретиво,
и замечает острый взгляд,
что водное похоже диво
на Ниагарский водопад.

Водя махровым полотенцем
по раскрасневшейся спине,
слон вдруг поймет горячим сердцем,
что вновь в тропической стране.

О, как трубит электробритва!
Держи свой хобот на весту:
архитрагическая битва
в доисторическом лесу.

Последний взмах нечастым гребнем,
накинут серенький пиджак...

Хлеб с маслом, запивая третьим,
слон поглощает натошак.

И чайник пышет, словно гейзер,
сдвигая крышку набекрень,
не зная, как еще полезней,
проснувшись, встретит
новый день.

В ОЧЕРЕДИ

Город мой,
моя столица,
мишурой своей маня,
многорука и столица,
спросит как-нибудь меня:
«Сыт ли песенной отравой?
Как проводишь жизнь свою?»

В очереди не за славой —
за оческами стою.

Не знаю, прихварывают наши братья по космосу или их эта напасть миновала, но что касается Земли, то столько, сколько она намерена вертеться, будь там хоть трижды расцвет наук и социализм, хоть в сто сорок солнц сияющий коммунизм, или — уж не знаю, как назвать, — райский куцизм, что ли, мы, грешные, как болели, болеем, так и будем болеть, бюллетенить, страдать от разных ОРЗ, лихорадок и люмбаг, ломать руки-ноги, давиться костями, маяться зубами, животами, мигренями и, следовательно, постоянно нуждаться в помощи врачей. С незапамятных времен человечество борется за свое здоровье и для этой архитрудной борьбы готовит во всевозможных учебных заведениях эскулапов, гиппократов и авиценн всех специальностей.

Майя Антоновна Афанасьева вышла из стен Московского медицинского стоматологического института в 1974 году.

Но приставлена она была не к страждущему флюсоносцу, а к Управлению кадров Министерства здравоохранения РСФСР на должность инспектора-врача отдела медицинских кадров.

Обязанности и, конечно же, права ее были необъятны: изучать составы выпускников медицинских вузов для сотворения планов распределения; как представителю Минздрава РСФСР принимать непосредственное участие в работе государственных комиссий по персональному распределению молодых специалистов; контролировать доезд выпускников к месту назначения; рассматривать письма и заявления о распределении и перераспределении выпускников; подготавливать документы на подпись руководству.

Тому, кто когда-нибудь кончал учебное заведение и «распределялся», не надо рассказывать, какая чехарда, какой сумбур и незаконные творятся во всей системе посылки человека с дипломом к месту работы. Нарушения, прямо скажем, обоюдные: выпускники выкомаривают свое («теряют» дипломы, устраиваются в торговлю, метрдетелями, барменами, администраторами гостиниц, оформляют фиктивные браки и т. д. и т. п.), распределители — свое. Молодого спеца попрерают тем, что государство его учило, тратило на него, что он — как в песне: «У Родины вечно в долгу!» — и поэтому, будь любезен, отправляйся и отработай то, что задолжал.

Добросовестный «вечный должник», прибыв на место, обнаруживает, что он — как на картине Репина «Не ждали», что для него тут нет ни работы, ни жилья, ни кола ни двора... Впрочем, вон там вдали за рекой строится курятник, так там можно пристроиться разнорабочим. Или сторожем. Но о крыше над головой и не мечтай: своим не хватает. Качать права бесполезно: прежнее начальство, то, что когда-то его заказывало, давно сменилось, и спросить не с кого.

Добрая Майя Антоновна не отмахивалась от жалоб и просьб, не отгораживалась от живых людей папками и дыроколами, а сочувствовала и помогала!.. Как должно быть счастью Министерство здравоохранения РСФСР и лично замминистра товарищ Чикин, как должны быть горды руководители Управления кадров славного министерства Иван Григорьевич Завада и Валерий Александрович Лимарев, бок о бок, в постоянном контакте проработавшие с ней столько лет, что заполучили в свои ряды такого работника!.. Страстно захотелось написать положительный очерк, высветить моральную красоту, гуманность и высокую нравственность советского инспектора-врача. В мозгу уже зрел заголовок: «Жрица в храме Авиценны»... Но вот что высветилось:

Из материалов судебного дела: «Афанасьева, злоупотребляя своим служебным положением, грубо нарушая Положение о персональном распределении молодых специалистов, неоднократно получала взятки за положительное решение вопросов, связанных с распределением и перераспределением выпускников медицинских вузов... Конкретная преступная деятельность Афанасьевой выражалась...»

То, как выражалась эта деятельность, зафиксировано в шестнадцати томах судебных документов, на сотнях страниц с показаниями свидетелей, покаяниями взяточдателей, с героиней с кабинетом и партбилетом.

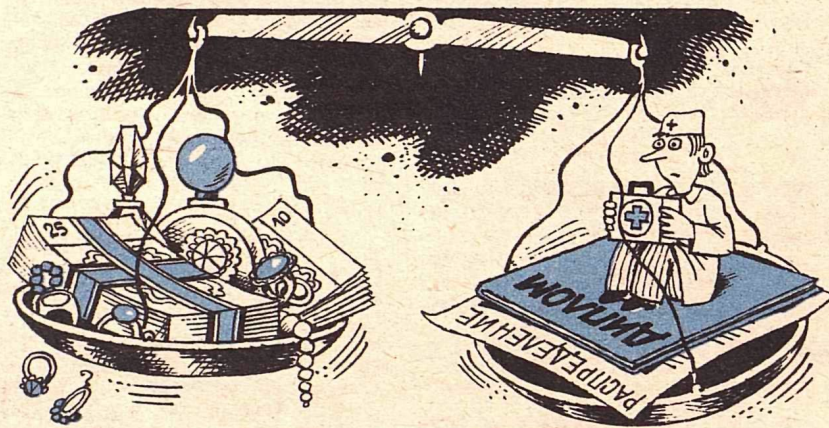
Получив неограниченную власть (ни один

государственный муж, ни одна государственная «жена», заседавшие в важных государственных комиссиях, никогда не оспорила ее решений!), наша жрица нюхом охотника чуяла добычу. «Добыча» приходила к ней на прием и робко садилась на краешек стула. Тут-то и начинала властительница мытарить визитеров: давала обещания, затем умышленно затягивала решения, придумывала все новые и новые трудности, умело волокитила, заставляла ездить к ней из других городов, фактически издевалась над людьми, отчаявшимися добиться решения законным путем, превращала их в жалких просителей и, наконец, толкала на преступление.

Татьяна ШАБАШОВА,
специальный корреспондент Крокодила

ЦЕНЫ В ХРАМЕ АВИЦЕННЫ

ЗНАНИЯ — ТОЖЕ ТОВАР

Вот она встречается на Павелецком вокзале с Людмилой Ивановной Осинцевой. Та хлопочет за сына Евгения и приезжает из Саратова в пятый... нет, в шестой, а может, и в восьмой раз. Майя Антоновна ее неплохо поволокинула и теперь знает, что Людмила Ивановна «созрела» (при последних телефонных разговорах буквально рыдала в трубку!). Так и есть! Людмила Ивановна преподносит ей букет цветов и воровским движением кидает в сумочку конвертик. В конвертике — купюры, 300 рз. Не слишком много, но ведь и она, откровенно говоря, ничего для Осинцева не сделала — у молодого врача были все основания для распределения в Саратовскую область.

Нужна Майя Антоновна и Иде Михайловне Ляйфер, недаром та подстерегает ее на ветру у выхода из министерства. Вся продрогла. Тоже хлопочет за сына, просит-молит не отсылать его далеко от умирающего отца.

— Я же вам уже сказала, позвоните мне дней через десять! — отрубает Афанасьева. И вдруг меняет сухо-деловой тон на дружественный: — Какре у вас миленькое пальтишко!

— Вам нравится?! — вскидывается Ида Михайловна. — Это у нас давали по талону... Я раздобыла в лепешку, а достану вам такое же.

— Ну зачем же в лепешку, — хмыкает Майя Антоновна. — Я же вам обещала, но надо ждать. Это непростое. Мне придется просить замминистра. Наберитесь терпения!

— Возьмите, от всей души, помогает для аппетита! — суется Ида Михайловна, суя благодетельнице банку с черной икрой.

Из материалов судебного дела: «В ноябре Ляйфер приехала в Москву для того, чтобы заказать памятник на могилу мужа. Помня просьбу Афанасьевой достать ей пальто за распределение сына в Саратов, решила дать взятку деньгами... и передала ей на улице в качестве взятки 500 рублей».

Тяжело больная мать выпускницы Галины Предко потеряла надежду дождаться законного перераспределения дочери из Томской области в Красноярский край, по месту жительства. Несчастная, не имевшая сил себя обслуживать, умолила брата, жившего в Мо-

ске, «подмазать» Афанасьеву. «Сунь ей, пусть она подавится», — сказала отчаявшаяся женщина (вскоре она умерла). Брат выполнил просьбу — положил 300 рублей между газетными листами, в которые завернул две банки варенья, и встретившись с Афанасьевой у ее дома, передал ей сверток с вареньем, деньгами, подарил ей цветы и духи.

Цветы и духи пахли. А вот деньги не пахнут, это практичная Майя Антоновна усвоила твердо. Возможно, поэтому принимала и пересчитывала она их в тиши министерского клозета. «Туалетная комната» не раз фигурирует в судебных документах:

«Бубликова дождалась, когда Афанасье-

Сукиасяна. По протекции Сигуты Сукиасяна подал на прием к Афанасьевой».

Ну, «приемы» Афанасьевой нам известны, это мертвая хватка вымогателей всех рангов: дотерзав откатами и проволочками просителя до того, что ему, затравленному, не остается ничего другого, как раскошелиться — «дать на лапу», «позолотить ручку», «подмазать».

Так на прием к влиятельной Майе Антоновне явилась представительница семейства Жоржоллиани. В благородном этом семействе расцвела наследница — розовый бутон, наливное яблочко, персик! — на выданье. Все было у красавицы: и хорошего наполнения бюст, и гарнитуры, и престижное авто, — не было только диплома. Через посредницу, поехавшую по их поручению в Москву... Впрочем, дадим слово документам:

«Следствием были получены данные о том, что гр-ка Бедненко Р. Т. передала 10 тысяч рублей работнику Минздрава РСФСР Афанасьевой М. А. за поступление в Ставропольский медицинский институт Жоржоллиани».

Мухлела Афанасьева совершенно спокойно, ведь никто никогда ее не контролировал. Да какой уж тут контроль, когда коллеги по ее просьбам могли запросто подчитать документы, видно, знали, уверенны были, что никто никогда их не проверит и не уличит. Уважаемый замминистра с детсадовской доверчивостью подписывал (чтобы не сказать — подмахивал!) любую писульку, которую Афанасьева ему подсовывала.

Считалось в порядке вещей, что, прибывая в подведомственный город, скромная командированная располагалась в самых роскошных люксах, раскатывала на белой служебной «Волге», ела-пила в самых дорогих ресторанах.

Попалась голубушка совершенно случайно. Судили взяточников из «наробраза». И одна из подсудимых возмущалась: ее, мол, тянут к ответу, а некая Афанасьева, ее знакомая, дерущая с живого и мертвого, гуляет на свободе. И написала заявление.

Обыск в ее квартире дал необычные результаты. Даже опытный, выдавший ювелирные виды правоохранитель Исаенко Б. Н. опешил.

— Мы, когда вошли, сразу не поняли, — рассказывает Борис Николаевич, — что это за склад такой? Бессчетно нераспечатанных французских духов, коробок шоколада, хрустальная, ящики с сервизами, батареи бутылок с заморскими винами, кольца, кулоны, браслеты. Мы насчитали 37 (!) одних только КОМПЛЕКТОВ, куда входят по 3—5 предметов ювелирных изделий из золота с различными камнями.

Пять лет лишения свободы должны излечить мздоимку от жадности, перевоспитать ее в морально устойчивую гражданку. Но дело в том, что Афанасьева — не чундо-юдо, а продукт нелепой, ущербной, антиконституционной системы распределения молодых специалистов, при которой в одни нечистые руки отдаются судьбы сотен и сотен людей.

Мы видим и понимаем, что система эта не приносит ничего, кроме вреда, что она порождает афанасьевых. Мы с трудом представляем себе, что человек может САМ распоряжаться своей судьбой, САМ решать, где ему жить и работать, САМ может раскинуть СВОИМ умом, а не чужая тета или дядя будут за него думать и решать.

Дивную возможность почувствовать себя человеком (не надо с большой буквы, пусть с обыкновенной!) предоставит только Рынок — чуткий, четко работающий механизм, только Рыночная Экономика — штука гибкая, испытанная. Если мы поймем, наконец, что знания и умение — это тоже товар, который покупается и продается.

Тогда сами собой отомрут, как ненужное, все эти управления и отделы распределения, а может, и сами министерства — цитадели бюрократизма. И мы захвем по-людски, получим свободу выбора работы, учебы, места жительства, судьбы!..

Дух захватывает, как подумаешь, сколько здоровья и сил сохранит советский человек — вечный проситель, — если им не будут помыкать, перестанут футболивать, мытарить, ущемлять, вымогать!

Как очистится окружающая среда, когда взяточники превратятся в жалкое ретро и в ненасытные их карманы не будут утекать чужие денюжки, золотые кольца, серьги, браслеты, цепочки, брелочки, духи, коньяки, конфеты, букеты!..

ва вошла в туалетную комнату, расположенную в коридоре Управления кадров, и, зайдя за ней, передала ей 75 рублей».

«Вместе с документами Кудлай Л. В. передала книгу с вложенными в нее деньгами. Получив книгу, Афанасьева зашла в туалетную комнату и, удостоверившись в наличии денег — в сумме 300 рублей, пообещала Кудлай положительно решить ее вопрос».

Уточним: «вопрос» супругов Кудлай, имевших новорожденного дитя, был прост, как подгузник, — перераспределить их из Ленинградской области в Калининскую, где у них дом и родители.

Из материалов судебного дела: «Однако Афанасьева, с целью вымогательства взятки, дважды необоснованно отказала Кудлай в удовлетворении законной просьбы. Затем, преследуя те же цели — получить от Кудлай взятку, она необоснованно адресовала ее для решения указанного вопроса в Калининский облздравотдел, заведомо зная, что руководство облздравотдела не обладает правом перераспределения выпускников вузов».

А ну-ка, приглядимся, кто это так шикарно ужинает в столичном ресторане «Россия»? Рыжеватая дама — Майя Антоновна Афанасьева, рядом Рузанна Микаеловна Геворкян, угощает ее папа, Микаел Шамхалович Сукиасян.

— Кушайте, угощайтесь, дорогая Майя Антоновна! — с неумной восточной щедростью потчует гостью Микаел Шамхалович. — Эй, официант, еще коньяку! Шампанского! Выпейте за приезд Майи Антоновны к нам в Ереван! Будьте как дома!

— Да, да! Клянусь богом, как дома! — подхватывает Рузанна и ловит афанасьевскую руку. Мир! — и пальчик-сосисочка окольцован. — Это аванс! — воркует Рузанна на ушко Майе Антоновне. Та любитесь золотым колечком с розовым камнем.

Из материалов судебного дела: «Отец Рузанны Геворкян Сукиасян обратился к своему знакомому референту 10-го Управления Совета Министров СССР с просьбой оказать содействие в изменении дочери назначения: Сигута Ю. К. по телефону переговорил с Афанасьевой и попросил ее принять

Ю. ЧЕРЕПАНОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

В. ЛУГОВКИН. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

В. МОХОВ, В. ВЛАДОВ (тема).

— Может, техникой им помочь, чтобы нас быстрее изловили?

В. ДМИТРИУК, Р. ДРУКМАН (тема).

— Так чем ты занимался в 1917 году?

В. ВЛАДОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

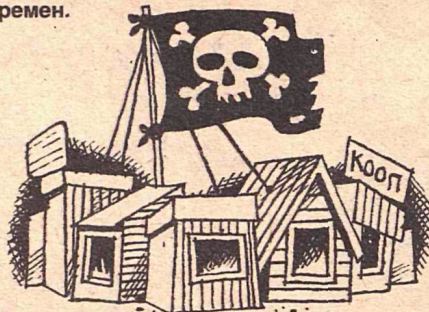

Инна КАШЕЖЕВА

РИЖСКИЙ РЫНОК

Рижский рынок... О пиратах говорить, увы, хочу. Как в Арабских Эмиратах, все куплю, все получу. Ширпотребу на потребу площадь эта отдана. Здесь, наверно, даже небу есть особая цена. Здесь про деньги только — мани. Ах, какие типажи! Кошельки лежат в кармане, рядом, видимо, ножи. Много есть чего на рынке: и шестерки, и тузы... Раньше рынки — это крынки, короба, мешки, возы. «Налетай — подешевело!» — был тогда такой девиз. А теперь другое дело: цены здесь, хоть удавись. От товаров полки пестры, лайбелов перекомплект... А в толпе звенят наперстки, там игра на интеллект.

Продавцу кричу: «Куда вы?»
Он рысцою от меня...
Здесь облавы, как забавы,
ведь без тени нет плетня.
Рижский рынок, Рижский рынок...
Что тебе создать взамен?
Со своим калашным рылом
в стороне от перемен.

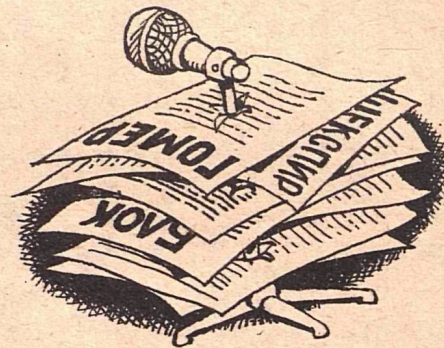
ИНТЕРВЬЮ НА БУЛЬВАРЕ

Никулин Валентин, мой современник, неторопливо шел в свой «Современник». И где-то на Рождественском бульваре я, улыбаясь, подвалила к Вале. Спросила: «Что читаешь ты с эстрады?» Он откровенен был, не скрыл досады, как будто бы на Пасху я говела: «Читаю я Шекспира и Гомера, Высоцкого, и Бродского, и Блока, и этого... Ну, как его? С Востока. Ага, припомнил я, Омар Хайяма (он победил, я ошалела прямо). А также я читаю Льва Толстого от двадцати часов до полшестого. Из зала, где всегда полно народу, с концерта еду прямо на работу. Читаю я сонеты и баллады, читаю все. Себя читай сама ты!»

Измучен неудачами, ко мне пришел поэт, талантливый вполне, и — многое с тех пор умчала Лета — просил он не займы, а лишь совета. Сама не понимая, почему, я, словно метр, ответила ему: «Сегодня ты — шестерка;

завтра — туз. Так в паузе, прошу, не праздный труса и помни: муза презирает пузо».

Он потолстел, но нес легко свой груз. «Друзья мои, прекрасен наш Союз!» — сказал он, став секретарем Союза.

Мы встретились в троллейбусе, он полон до краев. Не каждый эти ребусы в Москве решать готов.

Тому, кто влез снахрапу (нет, мы не новички), сказала я про шляпу, а он мне — про очки.

О. ТЕСЛЕР, М. ВАЙСБОРД (тема).

В. ЛУГОВКИН.

Лет примерно так сто назад, откушав в клубной ресторации свежей селяночки с расстегаями и паровой свёржюжки с хрустящими профитролями, попивая кофий с ликером и попыхивая душистой манильской сигаркой, любилы российские остролослы, значительно улыбаясь и помахивая перстом указательным, ввернуть в застольную беседу что-нибудь этакое: «В России, сударь, две напасти: внизу — власть тьмы, вверху — тьма власти!»

Нынешний обитатель государства российского, посмотрев в районном клубе видеополотнушку за полтора рубля, вмазав в подворотне стакан портвейна бело-розового, закусив «мануфактуркой»* и затаившись драгоценной сигаретой «Дымок» (куплена «пята пачек в одни руки» после драки возле табачного ларька), может с глубоким удовлетворением констатировать: от одной из вековечных отечественных напастей он избавлен. Тьма власти наверху больше нет.

Атрибуты есть, привилегии кой-какие имеются, а власти нет, и все тут. Причем нет ее до такой степени, что в пору по старинному российскому обычаю «караул!» кричать. И ведь кричат уже, как отдельные граждане — солны, так и целые республики — хором, да вот беда: нет и караула. Устал, наверное. А чем кончаются в державе нашей ситуации с уставшим караулом, хорошо известно из отечественной истории. Кончаются они по обыкновению тем, что на арене этой самой истории появляются крепко сбитые товарищи в одежде полувоенного образца и довольно быстро наводят «железный порядок». Порядок этот действительно поддерживается целым арсеналом изделий из железа, одинаково убедительно воздействующих как на веселых любителей кофий с ликером, так и на хмурых приверженцев бело-розового портвейна.

В исторически краткие промежутки между «уставшим караулом» и «железным порядком» происходят обычно кровавые революции и гражданские войны, но зато потом устанавливаются строгая дисциплина и мертвая тишина. Предпоследняя наша революция трагически совпала с нехваткой в тогдашней столице государства хлеба. Для периферийных читателей сообщаю, что в нынешней нашей столице хлеба не хватает в той же степени, как и всего остального: колбасы, курева, одежды, сыра, обуви, алкогольных и безалкогольных напитков, телевизоров, фрутков, доброты, билетов на самолеты, взаимного уважения, уличных туалетов. (Ненужное — зачеркнуть, — нужное — дописать.)

Смею заверить уважаемых читателей, что вовсе не являюсь сторонником «железного порядка» и «твердой руки». Меня вполне устраивает власть, провозгласившая: «Разрешено все, что не запрещено». Но мне совершенно не подходит власть, не способная обеспечить то, что провозгласила.

На протяжении долгих семидесяти лет власть только тем и занималась, что с железной методичностью вычеркивала из жизни неподходящих ей граждан. Теперь и у граждан наконец появилась возможность вычеркнуть из избирательного бюллетеня неподходящую им власть.

Не знаю, кто как, а я не любитель жалких зрелищ. Лицемерие таковых унижает не только участников, но и наблюдателей. Из всего, что пришлось все-таки видеть, самое жалкое — это беспомощная власть. Названий для этого фантома в условиях плюрализма придумано уже достаточно. В зависимости от личного темперамента политические деятели называют его кто «параличом», кто «вакуумом власти», граждане же попроще в своих определениях колеблются между «хаосом» и «бардаком». Меня же, например, не покидает ощущение, что перед нами разыгрывается матч увлекательной, хотя и малоинтеллектуальной игры под названием «перетягивание каната». В матче с переменным успехом принимают участие команды всех любительских лиг: от союзного правительства до комитета самоуправления микрорайона. В игре много азарта, крика, нарушения правил, время от времени на отдельных участках поля она становится грязной, а порой и кровавой. Ведется она, по утверждению всех без исключения команд, исключительно ради блага много-

миллионных болельщиков, обобщенно именуемых «народ». Группам болельщиков с плакатами не возбраняется периодически высказывать на поле для оказания помощи игрокам соревнующихся команд. Чемпионат непрерывно транслируется по телевидению и комментируется всеми средствами массовой информации.

Что лопнет раньше — терпение болельщиков или перетягиваемый канат — предсказать не берусь. Но то, что команда правительства некогда могучей и великой державы не в состоянии справиться с командой райсовета, совершенно очевидно. И, как ни

было бы. А то ведь и знают, да совладать не могут. Вот она и беда целая.

«Паралич», «вакуум», «хаос», «бардак»? А выбирайте сами, что больше нравится, все не ошибетесь.

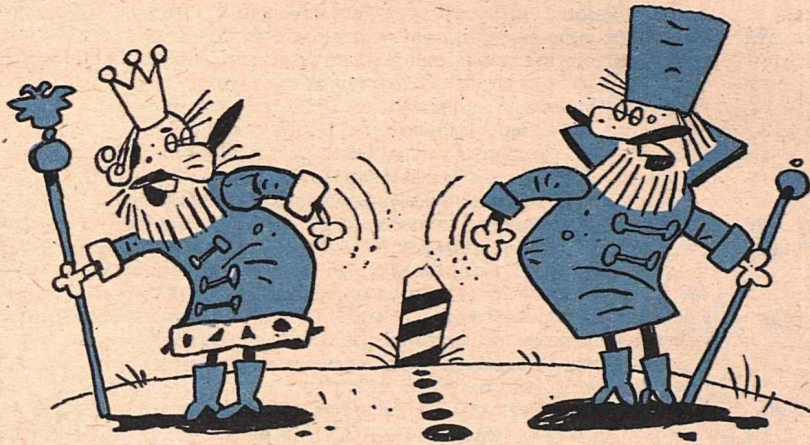
— Тоже удивил! — скажут закаленные безобразиями нашей действительности читатели. — Тут президентские Указы побоку пускают, и то ничего...

Да в том-то и дело, что не хотел я удивлять. Специально из множества подобных выбрал именно эту историю, где не льется кровь, не растут горы трупов, и происходит она не в горах и не в тундре, а здесь, под

Юрий БЕЛЯВСКИЙ

ХАОС,

или кое-что о перетягивании каната власти

относись к этому правительству, ничего хорошего, откровенно говоря, здесь нет. Правительство-то и поменять можно, а вот от страсти к канатным играм избавляться будет куда трудней, чем от любого правительства.

10 февраля 1990 года Совет Министров СССР принял правильное и доброе постановление о создании в Москве Всесоюзного центра творческой реабилитации инвалидов. Я не собираюсь живописать тяготы инвалидной жизни. Любой человек, знающий, как живет у нас здоровому, без труда представит, каково приходится больному. Да и не об этом сейчас речь. Речь о том, что в соответствии с постановлением высшего в стране органа исполнительной власти центр этот должен был начать действовать с первого сентября. В постановлении четко и последовательно расписано, кто, что и когда обязан для этого сделать. К середине сентября, когда я пишу эти строки, не сделано ничего. И, как ни бытует энтузиасты — организаторы центра, размахивая совминовскими и моссветовскими решениями, первый и единственный в стране вуз для инвалидов в этом году не откроется. Почему? А потому, что два столичных райсовета даже и смотреть не хотят на постановления одного Совмина. Причем свое нежелание выполнять решение властей союзных власти районные не только не скрывают, как это практиковалось раньше, а нахально афишируют, совершенно не опасаясь для себя тягостных последствий. У них, видишь ли, другие соображения. То ли продать предназначенные центру здания богатым иностранцам, то ли отдать бедным кооператорам, то ли вообще снести их бульдозером. На этот счет замечательно высказывался дворник Никита Пряхин из Вороньих слободки. «Как пожелаем, так и сделаем!» — говорил этот бессмертный литературный персонаж. И ведь сжег, подлец, в конце концов Воронью слободку! Ну да Бог с ним, с Никитой Пряхиным, со времен его художеств шестьдесят лет прошло, а вот как реагирует Совмин на нынешних никит районного масштаба? А никак! Может, в Совмине за воровом делом и суматохой явление просто не знают, что на их постановление плевать хотели? Кабы так, то полбеды

бокком, в собственной столице. Ведь, казалось бы, чего проще? А вот не могут совладать — и все тут. И что ж это за исполнительная власть получается, если ее решений никто исполнять не собирается?

Впрочем, можно рассказать историю и про трупы. В начале августа закрыли в Москве по техническим причинам сразу несколько моргов. И мгновенно ситуация превратилась почти в катастрофическую. В летнюю жару лежали покойники чуть не неделями по домам, а уж что это такое, и писать тошно. Экстренно присмотрели просторный морг в одной из районных больниц и решили временно использовать его под общегородские нужды. Куда там! Снова уперлись районные владельцы. «Не дадим наш морг под ваших покойников!» И как ни уговаривал их столичный мэр-профессор, прозванный за сходство инициалов и грустные интонации при еженедельных телевизионных выступлениях Гансом Христианом, так, кажется, и не сдвинул негибаемых борцов за микрорайонный суверенитет.

Что это? Глупое упрямство, издержки демократии, перехлест личных амбиций? И то, и другое, и третье. Но еще и какой-то дикий перекосяк в мозгах. Десятилетиями вбивали в эти мозги бредово-романтическую идею о возможности построения всеобщего счастья в отдельно взятой стране. Не построили. Идею срочно поменяли на нечто прямо противоположное — об общеевропейском доме. Но мозги-то остались прежние. И в них обветшала, но хрустальная мечта разбилась на миллион осколков о построении счастья в отдельно взятом жэке. И вот уже в каждом районе по всем городам и весям неоглядной Отчизны сотня-полторы демократически избранных депутатов вместо того, чтобы помогать своим вековечно униженным и бесправным избирателям хоть чего-то добиться (крышу ли починить, канализацию отремонтировать, школу ребятишкам к первому сентября открыть — да мало ли дел для облеченного районной властью человека?), и объявляют себя районным парламентом и начинают экстренно клепать кустарные законы микрорайонно-жэковского уровня, отменяющие все на свете: от постановлений Совмина до решений ООН. Так и хочется сказать им: депу-

таты, миленькие, не надо! Такого количества законодателей ни одна страна, даже наша, ко всему привычная, не выдержит. В желающих принимать законы никогда недостатка не было. У нас для этого одних верховных советов три с половиной десятка набирается, хватит, право слово, хватить! Исполнять законы никто не хочет, вот ведь дело какое, жить по ним никто даже не пытается, не приучены. А без этого никакой справедливости никогда не будет. А ведь вы все на выборах нам прекрасные слова про социальную справедливость говорили. Вот и наводице ее, справедливости, по месту вместе с вами совместного проживания. Хотя бы по уже существующим в стране законам. Ну берите, берите власть и исполняйте ее ежедневно и ежечасно. Ах, это трудно? Занятие противное и расшатывающее нервную систему? Так ведь никто и не обещал, что легко будет. Но по-другому-то не получится. По-другому мы уже проходили. По-другому — это когда «весь мир насилия мы разрушим до основания...». А зачем? И без того в бедности перебиваемся, чего уж рушить-то? По-другому, как заметил один очень неглупый соотечественник, вся история страны превращается в борьбу невежества с несправедливостью...

А пока тянем-потянем канат и ничего, кроме всеобщего горя-несчастья, вытянуть не можем.

Мы не можем упрощать власть нас по-человечески накормить, а она хоть как-то и чем-то побудит нас убрать невиданный по богатству урожай. (Хотя уже всем вроде бы и ясно, что глупости это — просить еды и побуждать к уборке урожая. Но как-то неистребимо жалко и самих себя, перебивающихся в очередях за хлебом, и урожай, гниющий на полях.)

Мы никак не добьемся, чтобы власть нас защитила, а она, бедная, никак не может убедить нас не стрелять друг в друга и вообще сдать оружие.

Мы от нее требуем, чтобы поезда ходили по расписанию, а она слезно умоляет нас не ложиться на рельсы и не создавать заторы движению.

Да, тьма власти наверху больше нет. Поэтому что власть, она только тогда власть, когда, извините за святую простоту, ее слушаются. С удовольствием, без удовольствия, с любовью, без нее, но слушаются.

На протяжении многих лет главным показателем гражданской доброкачественности было у нас заявление с колочением кулаком по грудной клетке: «Я люблю Советскую власть!» Как будто речь шла о дамочке, приятной во всех отношениях, способной внушить любовную истому каждому из сотен миллионов подведомственных граждан вне зависимости от пола, возраста и способности к процессу осуществления любви.

Между тем любить власть совершенно не обязательно. Если задать вопрос о любви к власти какому-нибудь вполне законопослушному гражданину какой-нибудь законопослушной страны, то запросто можно сойти за сумасшедшего. Ему почему-то никогда даже не приходило в голову громко заявлять: «Я люблю парламентскую (президентскую, монархическую, сенатскую или какую там еще?) власть». Для выяснения интимных отношений с властью есть только одно специально отведенное место: строго изолированная избирательная кабина. Дело это личное и тайное до такой степени, что тайна гарантируется законом. Как, впрочем, законом же охраняются граждане от произвола избранной ими власти, а власть — от самоуправления избравших ее граждан. Так и живут без особой взаимной любви, но и без всеобщей ненависти.

А наша страна, стянута канатами очередей к пустым прилавкам, конвульсивно дергается в отчаянной надежде выжить.

— Агония или роды? — деловито любопытствуют наблюдающие за конвульсиями со стороны светила мировой политической диагностики.

— Хаос, — говорят усталые сограждане, мечущиеся между митингами и очередями.

Из хаоса, по преданию, когда-то родилась жизнь. Может быть, и сейчас из этого мрачного клубка всеобщей оглушающей неразберихи рождается какая-то новая жизнь? Вот бы пожить! Без иссушающей любви и испепеляющей ненависти, с мудрой законодательной и сильной исполнительной, с вольными людьми и сытыми детьми.

* Этим термином в кругах глубокопоющих соотечественников обозначается традиционное послестаканное нюханье рукава.

В марте 1879 года видные писатели и ученые Петербурга давали обед в честь Ивана Сергеевича Тургенева. В разгар торжества, когда и его виновник, и все участники изрядно утомились от множества речей, слова неожиданно попросил всем известный писатель и артист Иван Горбунов. Первая же сказанная им фраза сразу привлекла общее внимание.

— Милостивые государи, — произнес он хриплым старческим басом, разительно отличавшимся от его обычного голоса, — вы собрались здесь чествовать литератора сороковых годов, отставного коллежского секретаря Ивана Тургенева. — И, помедлив мгновение, добавил с надменной важностью: — Я против этого ничего не имею.

Все участники обеда поняли, что Горбунов держит речь в образе генерала Дитяткина — сатирического персонажа, созданного фантазией Ивана Федоровича.

Сейчас генерал вспоминал о незабвенных временах своей молодости, когда в почете были преимущественно писатели титулованные и сановные, сочинения коих услаждали умы и сердца читателей красотой слога и изяществом содержания. Но вот однажды Дитяткину попалась новая, только что выпущенная книга неведомого автора — Ивана Тургенева, называвшаяся «Записки охотника».

— В простоте солдатского сердца я взял эти записки, думая найти в них записки какого-нибудь **военного охотника**¹. Оказалось, что под поэтической оболочкой скрываются **такие** мысли, о которых я не решился не доложить графу Захревскому², — продолжал свои воспоминания «генерал». — Граф сказал: «Знаю». Я в разговоре упомянул об этом князю Сергею Михайловичу Голицыну³. Он сказал: «Это дело администрации, а не мое». Я сообщил митрополиту Филарету⁴. Владыка мне ответил: «Это веяние времени».

Отчаявшись привлечь к возмутительному сочинению внимание высоких властей — поочередно военных, гражданских и духовных, генерал понял, что происходит нечто странное: время ныне идет не в ногу с ним и... посторонился.

— Теперь, милостивые государи, я стою в стороне, пропуская мимо себя нестройные ряды идей и мнений, постоянно сбивающиеся с ноги, но я всем говорю: «Хорошо!» — завершил свою речь сатирический герой, признающий отныне правильным все то, что было одобрено в высших сферах.

Образ благонамеренного ретрограда был столь ярким и колоритным, что не оставил равнодушным никого из слушателей — все дружно смеялись и аплодировали.

Талант Горбунова — писателя, артиста, импровизатора, весь монолог которого от начала и до конца был сочинен в момент исполнения, вновь блеснул перед цветом интеллектуального Петербурга, который собрался тогда за столом.

Мог ли когда-то мечтать об этом его отец — вольноотпущенный крестьянин, ставший конторщиком на подмосковной фабрике и так и не сумевший дать своим детям изрядного образования? Будущий сатирик учился грамоте у приходского священника. Потом поступил в начальное училище, затем в московскую гимназию, окончить которую так и не смог — у отца не хватило денег для уплаты за обучение. Ни о литературе, ни о сцене Горбунов и не помышлял. Он давал грошовые уроки в купеческих и мещанских семьях Замоскворечья, не брезговал подзаработать и перепиской. В свободное время посещал лекции, читавшиеся на словесном отделении Московского университета, и спектакли Малого театра, которые смотрел с галерки.

Судьба Горбунова решилась внезапно: в конце 1849 года случайно он знакомится с Александром Островским, только что завершившим тогда комедию «Свои люди — сочтемся», переписать которую набело поручают юноше.

«В кабинет вошел белокурый, стройный, франтовато одетый молодой человек лет двадцати пяти, — вспоминал Горбунов впоследствии подробности знакомства с драматургом, — набил трубку табаку, выпустил два-три клуба дыму и сбоку,

мельком взглянул на мое чистописание. Это был Островский.

— Позвольте вас спросить, — робко обратился я к нему, — я не разберу вот этого слова...

— Упаточилась⁵, — отвечал он, посмотрев в тетрадку, — слово русское, четко написанное.

Спросил я, впрочем, не потому, что не разобрал этого слова, а просто я горел желанием услышать его голос».

Час спустя желание юноши исполнилось с избытком: он услышал, как Островский читает свою комедию писателям и артистам, собравшимся в зале по соседству с кабинетом, в котором Горбунов занимался перепиской. Чтение потрясло его.

«До конца, до мельчайших подробностей ведомый мне мир, из которого взята пьеса, изумительная передача в чтении характеров действующих лиц произвели на меня неизгладимое до сих пор впечатление, — вспоминал Иван Федорович много лет спустя. — В течение декабря и января я переписывал пьесу три раза и выучил ее наизусть. Эта встреча с Александром Николаевичем повлияла на всю мою дальнейшую судьбу».

Горбунов с изумлением обнаружил: то, что постоянно встречалось ему в повседневной жизни, оказывается, могло стать богатейшим материалом для создания литературных произведений. Под влиянием примера Островского молодой человек начал творчески осмысливать свои жизненные наблюдения, и, когда два года спустя судьба вновь свела Горбунова с драматургом (тогда только что завершил комедию «Бедность не порок», которую попросил его переписать), смог показать Александру Николаевичу свои первые произведения.

Переписывая пьесу в кабинете автора, Горбунов оказался сначала свидетелем, а затем и участником разговора драматурга с поэтом и критиком Аполлоном Григорьевым. Поощряемый двумя известными писателями, молодой человек решился прочитать им три свои сценки — вернее сказать, сыграть их, поочередно живо и выразительно передавая голоса всех персонажей. Островский и Григорьев хохотали до упаду.

Через два дня в доме Александра Николаевича состоялось новое исполнение. На этот раз Горбунов выступил после самого драматурга, читавшего свою комедию друзьям, и разделил с ним успех. Молодому человеку, проявившему незаурядное актерское дарование, советовали попробовать свои способности на театральных подмостках.

На сцену — пока еще любительскую — Горбунова также вывел Островский: в скором времени Иван Федорович дебютировал в небольшой роли полового в комедии «Бедность не порок», в которой сам драматург играл трактирщика Маломальского.

Дружба Горбунова и Островского крепла день ото дня. Юноша жил теперь в доме драматурга, исполнял обязанности его литературного секретаря. Александр Николаевич, часто посещавший литературные салоны, выезжал вместе с Горбуновым и знакомил его со своими друзьями. Замечательный актер Садовский увидел в молодом человеке дарование, очень близкое его собственному, — сам Пров Михайлович был непревзойденным исполнителем рассказов из народного быта.

— Приходите ко мне каждый день, — радушно сказал Садовский Горбунову.

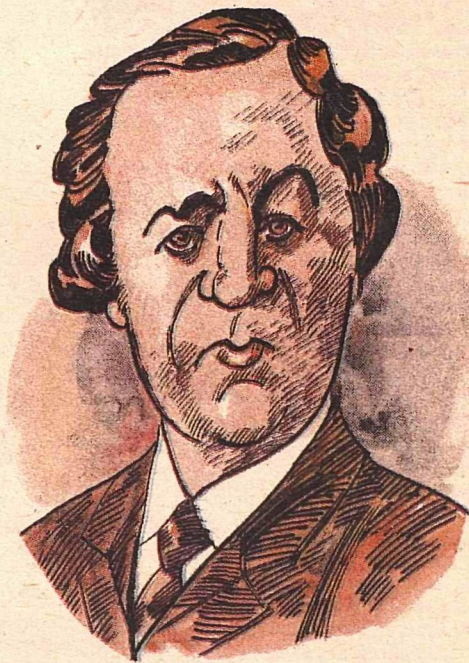
В скором времени юноша сделался своим и в доме Прова Михайловича и даже давал уроки его сыну Мише, впоследствии также знаменитому актеру. Теперь, когда Садовского просили выступить на каком-нибудь вечере с исполнением устных рассказов, он, обнимая Горбунова за плечи, говорил:

— Обращайтесь к нему, он лучше может. Рассказывайте, Иван Федорович. Все, что ни исполните, чудесно будет.

Пров Михайлович вывел молодого артиста и на профессиональную сцену — в бенефис Садовского в Малом театре тот отменно сыграл роль купца в пьесе Владыкина «Образованность».

Постепенно о ярком и самобытном таланте заговорила вся столица. Тургенев и Писемский, также познакомившиеся с дарованием Горбунова, пригласили молодого человека в Петербург, куда сами переехали из Москвы, обещая устроить его в Александринский театр. Их поддерживал и Островский.

В ноябре 1855 года Горбунов блеснул на петербургской сцене, исполнив роль пастуха в лирической пьесе Стаховича «Ночное», и был зачислен в труппу Александринского театра, на сцене которого затем играл до самой смерти. Постепенно

Иван Федорович
ГОРБУНОВ
(1831—1895)

складывалось его амплу как лирико-комедийного актера. За сорок лет он выходил в «Александринке» более чем в пятидесяти ролях, половина из которых — в пьесах Островского. Наиболее удачны были Ипполит в комедии «Не все коту масленица», Кудряш в «Грозе», Афоня в пьесе «Грех да беда».

Однако подлинную славу принесли Горбунову рассказы и сценки, с исполнением которых он выступал во время дивертисментов⁶, на благотворительных вечерах, на гастролях в провинции, в петербургских и московских домах.

Знакомые писатели настаивали, чтобы Горбунов эти свои сочинения публиковал. Так Иван Федорович дебютировал и в печати — в журнале «Отечественные записки» появилась написанная им сценка «Просто случай». После были другие издания, в том числе «Современник» и «Искра». Молодой человек делит время между литературой и сценой, не зная, чему отдать предпочтение. Так он до конца дней своих и остался служителем двух муз.

Для выступлений Горбунову не были нужны ни рампа, ни декорации, ни костюмы. Небольшая площадка на театральной авансцене, в зале или обычной комнате — безразлично где, и стул, на спинку которого он опирался или на который порой садился, — вот и все, что требовалось ему при исполнении своих сенок. Удивительный талант Горбунова, столь восхищавший современников, таил в себе искусство мгновенного перевоплощения. Он один мог представить пеструю, разноголосую и разноликую толпу. Эти рассказы-сценки, состоящие из реплик персонажей при почти полном отсутствии авторской речи, являли собой комедии характеров в миниатюре. В значительной

⁶ Дополнения к основному представлению, составленные из различных номеров, — нечто вроде небольшого концерта.

¹ «Донья в войске нашем сохраняется обыкновение — вызывать на опасное дело тех, кто захочет идти по воле. Сии избранные называются **охотниками**». («История русского народа». Сочинение Николая Полёвого, Москва, 1829 год.)

² Московский военный генерал-губернатор.

³ Попечитель московского учебного округа и председатель московского цензурного комитета.

⁴ Митрополит Московский.

⁵ Упаточиться — умяться, упариться до поту.

они предвосхищали рассказы молодого Анто-
Чехова.

Горбунов зло высмеивал произвол полицейских
нов различного ранга, тупость и невежество ку-
чества и мещанства, ограниченность и умствен-
ной застой важных сановников.

Уже в одном из первых произведений — «Сцене
квартирного надзирателя», так понравившейся
Горбунову, колоритно изображен полицейский
новник, полновластно вершащий суд и расправу
вверенном ему квартале.

Покой квартирного нарушает приход купца —
адельца фабричной мануфактуры, бездоказанно
обвиняющего в воровстве чем-то не угодив-
шего ему работника. Встретивший поначалу про-
геля неприветливо, чиновник быстро меняет
и, как только тот вручает ему некоторую сумму
для домашнего обихода, — теперь он обращает-
ся к купцу на «вы», упрощает его садиться. По-
казанию квартирного вводят подозреваемого
даже. Тот так напуган приводом в полицию, где,
он знает, его ждут неминуемые побои, что на-
дежный безобидный вопрос: «Как тебя зовут?» —
решительно отвечает невпопад: «Сейчас умереть, не
я». «Чего?» — уточняет полицейский, и мнимый
шпенник чистосердечно говорит: «Не могу знать,
го». Вполне удовлетворенный подобным «допро-
сом», надзиратель приказывает отправить масте-
вого под арест в полицейскую часть, не слушая
верений бедняги, что хозяин возводит на него
спралину.

Проводив вполне довольного подобным реше-
нием дела купца, надзиратель велит полицейскому
мундиру подать мундир, дабы отправиться к на-
местнику — у себя в канцелярии он обходится без
временного одевания. Выслушав бесхитростный
вет денщика, должожившего, что мундир «весь
пятнах» (вероятно, он был замаран накануне,
когда его обладатель возвращался домой после
ильных возлияний на чьих-то именинах или
минках), их благородие после глубокомыслен-
ных раздумий: «Да, вонять будет... А может, не
будет», — велит отчистить пятна скипидаром. На-
онец, мундир вычищен, и между квартирным
денщиком происходит такой разговор: «Воня-
ет» — «Воняет, ваше благородие». — «Скверно!» —
«скверно, ваше благородие». — «Да ведь, я думаю,
заметно», — утешает себя надзиратель, отдав-
ши предпочтение воняющему мундиру перед
мундиром замаранным.

Очень популярен в свое время был рассказ
Горбунова «Затмение солнца», который сам автор
тогда исполнял с удовольствием.

— Что это за народ собрали? — вопрошает
кто-то из подошедших любопытствующих.

— Разное говорят: кто говорит — на небе
недн, кто говорит — купец повесился, — отвечают
другие.

Постепенно выясняется, что толпу взбудора-
ло появление господина с трубой в руках — он
меревается наблюдать солнечное затмение. Реп-
ки удивленных обывателей убедительно свиде-
тельствуют об их глубоком невежестве. «Разве мы
вертушке живем?» — изумляется один из них,
первые в жизни услышав о том, что Земля вер-
тится. Негодование собравшихся обрушивается
на возмутителя спокойствия: «Вы только народ
привели!» «Живем мы тихо, смиренно,
мирно, а вы тут пришли, всех взбудоражи-
ли — раздаются голоса из толпы, уповающей на
вещательство городского. «Вот он тебе покажет
затмение», — ехидно замечает кто-то из зевак. «Да,
затмение городской никого не помилует», — отзывается
с знанием дела другой.

Наконец появляется городской, и возбужден-
ные обыватели наперебой объясняют ему суть
случившегося. Затем между виновником происше-
ния и блюстителем порядка происходит такой
разговор. «Вы тогда поймете, когда в диске бу-
дет», — «Почтенный, вы за это ответите!» — «За
что?» — «А вот за это слово ваше нехорошее» —
«Сейчас затмится!» — «Может, и затмится, а вы,
почтенный, пожалуйста в участок. Этого дела так
говорить нельзя». «Хотел на божею планиду, а по-
пал в часть», — ехидно замечает в толпе кто-то.
«Сколько этого глупого народу на свете!» — заклю-
чает другой, и непонятно, кому эта реплика адре-
сована — то ли астроному-любителю, то ли празд-
ному зеваку.

Сонная, скучная, однообразная жизнь захо-
стается нарушается лишь купеческими дебоша-
ми — их Горбунов изображает особенно зло. «За
е заллачено!» — вот главный довод, служащий
представлению загулявших купчиков оправдани-
я всевозможных бесчинств. «Какая же в этом

есть моя вина, ежели я на свои деньги!» — не-
доуменно отвечает лабазник на вопрос мирового
судьи, признает ли тот себя виновным в устрой-
стве скандала.

В сатирическом рассказе-монологе (этот жанр
был введен в литературу в значительной мере бла-
годаря Ивану Федоровичу) «В деньгах все счастье»
повествуется о жизни выбившегося в «люди» про-
лазы. Взятый в лавку мальчишкой на побегуш-
ках, он с годами становится приказчиком, жени-
тся на хозяйской дочери, постепенно завладевает
капиталом ее отца, обкрадывает своего тестя
и благодетеля и вырастает в крупного афериста,
избранного благодаря связям директором банка.
Пойманный после крупных хищений с полици-
ей и приговоренный судом к лишению *всех особен-
ных прав*, он цинично заявляет: «Все права мои
при мне в кармане, а особенных мне не надобно».
Отменно зажил этот отменник в ссылке, часто
повторяя: «Чудесно в сих отдаленных местах жить
с деньгами».

Изображенный Горбуновым в пьесе «Самодур»
замоскворецкий лабазник Баясников стремится
породниться с благородным сословием — выдает
дочь за майора, служащего «по интендантской ча-
сти» и интересующегося более приданым, чем не-
вестой.

— Простые мы мужики, только с деньгами, —
откровенно говорит Баясников будущему зятю.

— А это главный рычаг в жизни и есть, — со-
глашается тот.

Писал Иван Федорович также и серьезные рас-
сказы и очерки, и пьесы, а в последние годы жизни
завершил труд по истории русского театра.

Еще одной гранью таланта Горбунова было
превосходное знание истории и языка Древней
Руси — Иван Федорович даже был избран членом
корреспондентом Общества любителей древней
письменности. На одном из его заседаний он про-
читал письмо боярина XVII столетия, посланного
царем Алексеем Михайловичем за границу, в кото-
ром тот обстоятельно описывал диковины, увиден-
ные им в чужих землях, из коих его особенно
поразила одна — игра в рулетку. Язык, мировоз-
зрение, понятия и суждения боярина допетро-
вского времени были переданы столь достоверно,
что маститые ученые несколько не усомнились
в подлинности письма и немало дивились лишь
одному — существованию рулетки в XVII столетии.
Каково же было их изумление, когда они
узнали, что подлинным автором боярского посла-
ния был Горбунов — непревзойденный мастер шу-
точных стилизаций.

Самым известным сатирическим образом, соз-
данным фантазией Горбунова, был генерал Дитя-
тин — военачальник николаевского времени, при-
надлежавший к генералитету, столь блистательно
проигравшему Крымскую войну. Внес свой вклад
в подобный финал и Дитятин, полагавший, что
солдат создан только для парадов и караулов:
«Война лишь пачкает мундиры и разрушает
строй». Желавший превратить всю Россию в огром-
ную казарму, Дитятин полагал, что всякое движе-
ние должно начинаться «с левой ноги, но с равне-
нием направо».

От имени генерала Иван Федорович произносил
целые речи на юбилейных вечерах, писал шуточ-
ные письма своим друзьям, дарил фотографии, на
которых был запечатлен в генеральском мундире,
с надменным и тупым выражением лица.

Известность Горбунова была огромна. В слова-
ре, включавшем имена русских знаменитостей
1880-х годов, он назван «положительно самым по-
пулярным человеком во всей читающей России».
Однако слава писателя и артиста была шире. Не-
редко во время гастролей Ивана Федоровича по
городам России к кассе подходили не знавшие
грамоты мастеровые и крестьяне и, осведомив-
шись, действительно ли будет выступать *тот самый*
Горбунов, приобретали билеты, «дешевле которых
быть не может».

«Горбунов подобен плотнику, который, натянув
белую нитку, намечает черту и рубит по ней, —
образно говорил о его искусстве Лев Толстой. —
Вот-вот сорвется в шарж, но нет — как искусный
мастер остается на верной черте. Чистая работа!»

А. П. Чехов отзывался о таланте Горбунова ко-
ротко и метко: «Чует человек Россию!»

М. П. Мусоргский, с которым Иван Федорович
связывали дружеские отношения, писал ему:
«Дальше, вперед, тем же творческим путем, с тою
же силой правды, любви и непосредственности!»
Горбунов-творец не умрет, а вовек жить будет на
русской земле!»

Алексей КОПЧЕВ.

Р. САМОЙЛОВ, В. МОХОВ (тема).

Хосе: — Не носишь сигареты — получай!

И. НОВИКОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

В лето от Рождества Христова 1990-е случилось такое, чего не мог предугадать никто. В Советском Союзе созрел близкий к среднемировому урожай зерновых. Советы и Совмины наперебой стали принимать постановления, которые должны были помочь труженику, звали его к героизму в битве за урожай. Битва велась не на жизнь, а на смерть. И жертв много. Давайте поговорим о них.

... Жили-были в Новоайдарском районе Луганской области четыре брата-механизатора Лищенко. Случилось так, что жили они в разных селах этого района, но уж были-то вместе — работали в одном совхозе «Авангард». Вкальывали братья как следует, а получали как полагается. То есть мало. Поэтому в 1987 году охотно поддались на уговоры секретаря обкома А. Романенко, который агитировал их работать «не огульно, а семейно». Не знали братья Лищенко, что семейный подряд — это очередная кампания для галочки, восприняли все слишком серьезно и взяли подряд на ту тысячу гектаров, которую до этого обрабатывали звеном из 16 человек.

Работали братья так, что их дети спрашивали у мам, куда пропали папки, и в результате получили лучшую по совхозу урожайность зерновых. В следующем, 1988 году дали еще больше. Но руководство совхоза оказалось морально не готово к оплате такой героической работы.

По оценке адвоката механизаторов Н. Предтеченского, за 1987 и 1988 годы из начисленных звену денег не выплачено более 8 тысяч рублей. И несколько десятков тысяч недоначислено.

Интересно, что на жалобы братьев в разные инстанции приходили ответы, в которых почти дословно повторялся надуманный одним профессором довод. Дело в том, что в 1987 году Лищенко сэкономили прямых затрат на 40 тысяч рублей и по договору должны были получить 70% этой суммы. Но профессор вычислил, что «в результате того, что при выращивании недонесено 70 т минеральных удобрений, недополучено продукции на 16,9 тыс. руб., а из-за снижения нормы высева семян недодано продукции на 79,3 тыс. руб., поэтому суммы экономии... нельзя считать экономией». Точность профессорских расчетов (до сотен рублей) вызвала у механизаторов почтение. Одного они не могут понять, о какой недодаче продукции идет речь, если они перевыполнили план и показали лучший по совхозу результат. Специалисты обл-агропрома пускают в ход новый аргумент: эта экономия — не экономия потому, что нарушение звеном технологии вредно повлияло на землю — она истощилась. Братья опять затылки чешут: может, из-за недонесения семян земля и портится, а из-за недонесения нитратов ей уж точно как-то настает, но почему тогда в 1988 и 1989 годах та же земля дала им еще больший урожай?

А в 1989 году началась новая кампания: «Даешь арендный подряд!». Поэтому в договорах на 1989 год совхоз назвал себя арендодателем, а братьев Лищенко и еще одно семейное звено — В. Перепелица с двумя сыновьями — арендаторами. Правда, ни о предмете аренды, ни об арендной плате в этих договорах почему-то не упоминалось. Зато говорилось, что «арендатор обязуется в свободное от работ в технологическом процессе время выполнять другие работы по распоряжению администрации». От выполнения этого обязательства «арендаторов» избавило только то, что в «свободное от работ в технологическом процессе время» они едва успевали поспать мертвецким сном часов шесть. В общем, фактически эта «галочная» аренда была обычным коллективным подрядом.

— Какой договор совхоз нам дал, такой мы и подписали. Откуда нам знать, как составляется договор об аренде?! — устало сердится Перепелица-старший. — Вот прислали бы нам из Москвы образец! Мы же, тут ничего не видим и не знаем. Нет времени даже газету в руки взять. С работы приходишь вечером, поешь, в телевизор уставившись, как сова, и тут же засыпаешь.

Как они пахали в 1989 году на аренде, Перепелицы вспоминать не очень любят. Потому что когда настал час расплаты и арендаторы готовились получать хорошие деньги за свою хорошую работу, главный экономист совхоза П. Фесько сообщила, что по итогам года не совхоз должен им, а, наоборот, они совхо-

ректор совхоза В. Цыба. — Эти Лищенко столько денег уже получили! Другие рабочие очень завидуют, и мне больно смотреть им в глаза.

После этого ударничать за свой счет механизаторам разонравилось. В феврале этого года 30 механизаторов собрались и единогласно приняли решение о переходе растениеводства на аренду, на этот раз — без дураков. Но руководство совхоза вариант «без дураков» никак не устраивало, оно подготовило такой проект арендного договора, с которым механизаторы не согласились: опять никакой самостоятельности, аренда только в заголовке.

Для ясности надо заметить, что, согласно будоражившим совхоз слухам, главные специалисты в 1989 году

сти? Что за тайны от рабочего, который добывает этот самый урожай?

Нет, считают конторщики, рабочий должен знать свое место.

Его место в комбайне. Летом солнце нагревает воздух до 40 градусов, двигатель дает еще 40. Поэтому сиденье превращается в раскаленную сковороду, а до рычагов невозможно дотронуться. Зато зимой место рабочего под комбайном, где он сможет отдохнуть от жары. Он будет лежать на снегу, поскольку над техникой нет навеса, и примерзающими к металлу руками ворочать тяжелые детали.

Рабочему незачем знать, почему дождливый день, когда в поле не работаешь, а ремонтируешь технику, отмечается как выходной. Ему ни к чему понимать, почему его рабочий день — с 7 утра до 9 вечера — считается 7-часовым. Не положено ему знать, почему из 200—500 рублей, которые государство платит совхозу за тонну пшеницы, механизатору достается только 16. Независимо от того, числится он арендатором или нет.

Совхозу выгоднее, если механизатор ничего этого не знает. Так удобнее его обкрадывать. В 1986 году «Авангард» был на грани убыточности. Не потому ли в 1987-м прибыль совхоза увеличилась на 500 тысяч, что братья Лищенко и другие механизаторы начали ударничать?

И главный экономист совхоза П. Фесько, и главный специалист по арендным отношениям обл-агропрома С. Желткова в беседах с мной называли себя «государственными людьми». Они, дескать, действуют не по своим человеческим убеждениям, а по государственным инструкциям. А чьи интересы отстаивает государство своими инструкциями, всем известно.

— Вы слышали, что теперь сверхплановое зерно можно сдать за валюту? — хочу порадовать Перепелицу-старшего.

— Издеваетесь? — продолжает сердиться механизатор. — Какая валюта, если я за свои сверхплановые сотни тонн зерновых, сданных в 1989 году, даже рублями ничего не получил!

Боюсь, долго придется ждать правительству, пока хлеборобы завалят страну сверхплановым зерном за валюту, которая им не светит. Валюту и другие блага нужно сулить не совхозному начальнику, который землю не пашет, а механизатору, арендатору, фермеру. Стимулы будут действовать тогда, когда крестьянин будет свободен и сможет распоряжаться плодами своего труда. А со свободой дело обстоит следующим образом.

25 июня бригада № 2 совхоза «Авангард» из 13 механизаторов, в которой теперь работают Лищенко и Перепелицы, предъявила ультиматум: в пятидневный срок совхоз должен обнародовать зарплату ИТР и перевести бригаду на настоящую аренду. Иначе забастовка. В разгар уборочной. Ультиматум был направлен директору совхоза, первому секретарю райкома и председателю РАПО.

Отклика сверху не последовало. Только директор совхоза В. Цыба приехал на поле, посмотрел, сказал: «Плохо работаете, медленно убираете», — и уехал.

Как поступили механизаторы? — Как же я могу бастовать! — возмущается В. Перепелица-старший. — Совесть у меня есть или нет?! Хлеб же стоит!

Да, рабочая совесть крепкая. Но все-таки не железная. Сколько можно ее эксплуатировать?! Не пора ли понять, что, пока у нас битва за урожай будет битвой против человека, поливающего этот урожай своим потом, все будет, как сейчас. То есть обыкновенная хорошая погода, чреватая хорошим урожаем, будет равносильна стихийному бедствию.

Дмитрий СЕМЕНИК,
специальный корреспондент Крокодила

БИТВА ПРОТИВ УРОЖАЯ

зу. Занявшее второе место по совхозу звено Перепелиц должно «Авангарду» 20 тысяч рублей, а занявшее первое место звено Лищенко — 30 тысяч.

— Как вы считали, Прасковья Петровна? — простонали потрясенные арендаторы, но П. Фесько разъяснила, что им не понять такой высокой науки.

После жалобы механизаторов в райком совхоз передумал и все-таки выплатил им небольшие суммы, но объяснить свою систему расчетов так и не пожелал. А нет цифр — нет и претензий.

Кстати, еще в феврале 1989 года начальник отдела организации труда и зарплаты обл-агропрома М. Шершер приказал главному экономисту совхоза П. Фесько не давать механизаторам ни одной цифры. Но к тому моменту данные по 1987 году у Лищенко уже были, и в январе 1990 года они подали в суд иск к совхозу по поводу оплаты их работы в 1987 году.

Новоайдарский райнарсуд иск отклонил под тем предлогом, что истцы просрочили время. При этом П. Фесько выступала почему-то не в роли со-ответчика, а свидетелем. Прокурор района решение суда опротестовал, а областной суд и вовсе его отменил и вернул дело обратно в новоайдарский райнарсуд, где оно тихо лежит до сих пор, никому не мешая.

— Все правильно, — доволен ди-

получили в качестве 13-й зарплаты по 3—6 тысяч рублей — невиданные в «Авангарде» деньги. (Насколько обоснованны слухи, судить не могу, потому что эти цифры оказались единственными, которые руководство совхоза отказалось показать корреспонденту Крокодила. Может, и впрямь есть, что скрывать?)

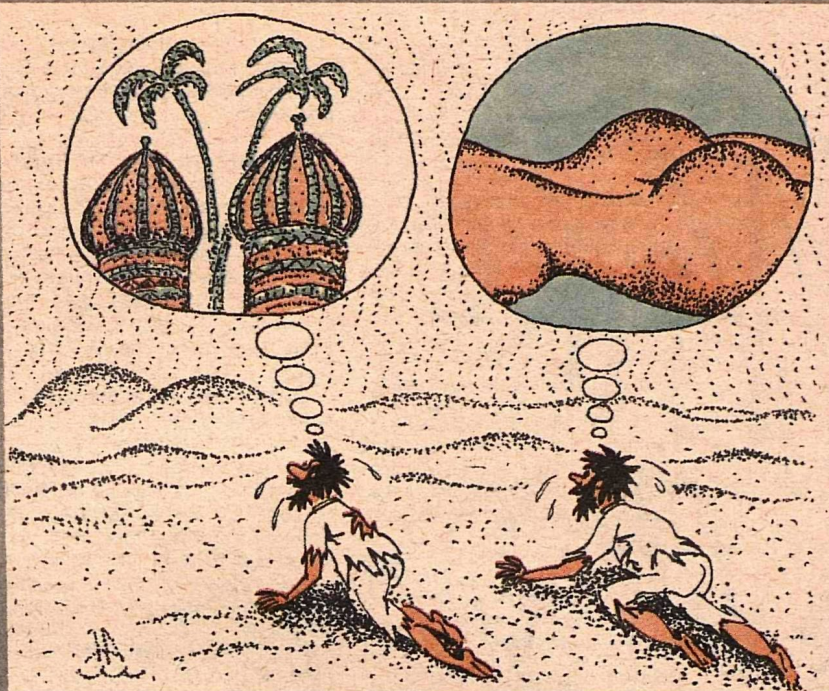
И вот в марте 1990 года специалисты повысили себе оклады. На состоявшемся в апреле собрании механизаторы потребовали обнародовать зарплату ИТР. На что П. Фесько заявила, что этого не будет никогда. Так же как и перехода на настоящую, а не липовую аренду. Вскоре директор дал ответ бунтарям: ИТР получают зарплату «согласно штатному расписанию». А вместо перехода на аренду переформировал механизаторские звенья, сделал из них три бригады.

Тем не менее упрямые механизаторы продолжали работать над арендным договором, для которого им необходимы были данные по работе совхоза за последние годы. Но эти данные совхоз не дает даже В. Перепелице-старшему, который недавно стал депутатом районного Совета.

— Прямо хоть покупай на черном рынке винтовку да отнимай у них эти цифры с оружием в руках! — сердится новоявленный депутат.

И в самом деле, почему цифры и данные об урожайности хранятся на правах сведений особой секретно-

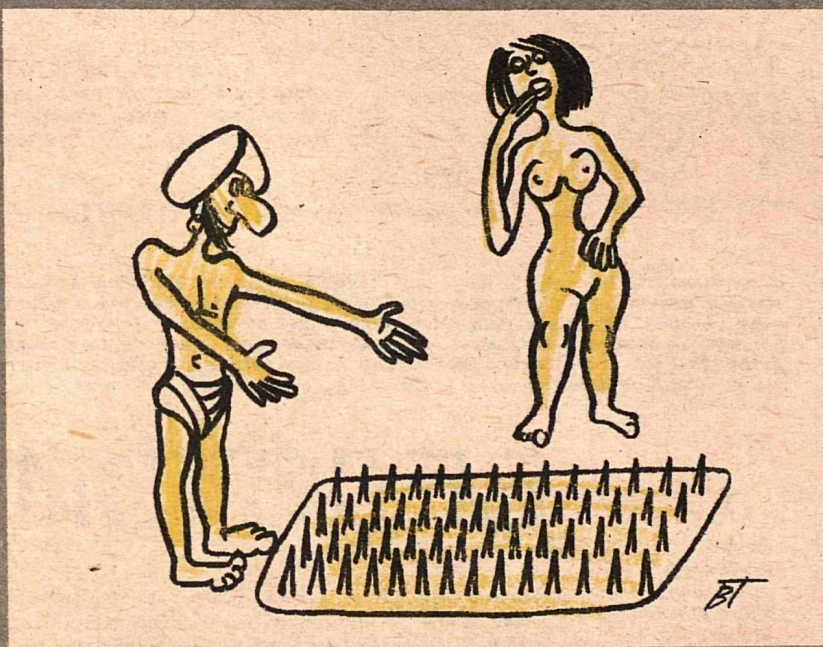
Луганская область.

Н. МАЛОВ.

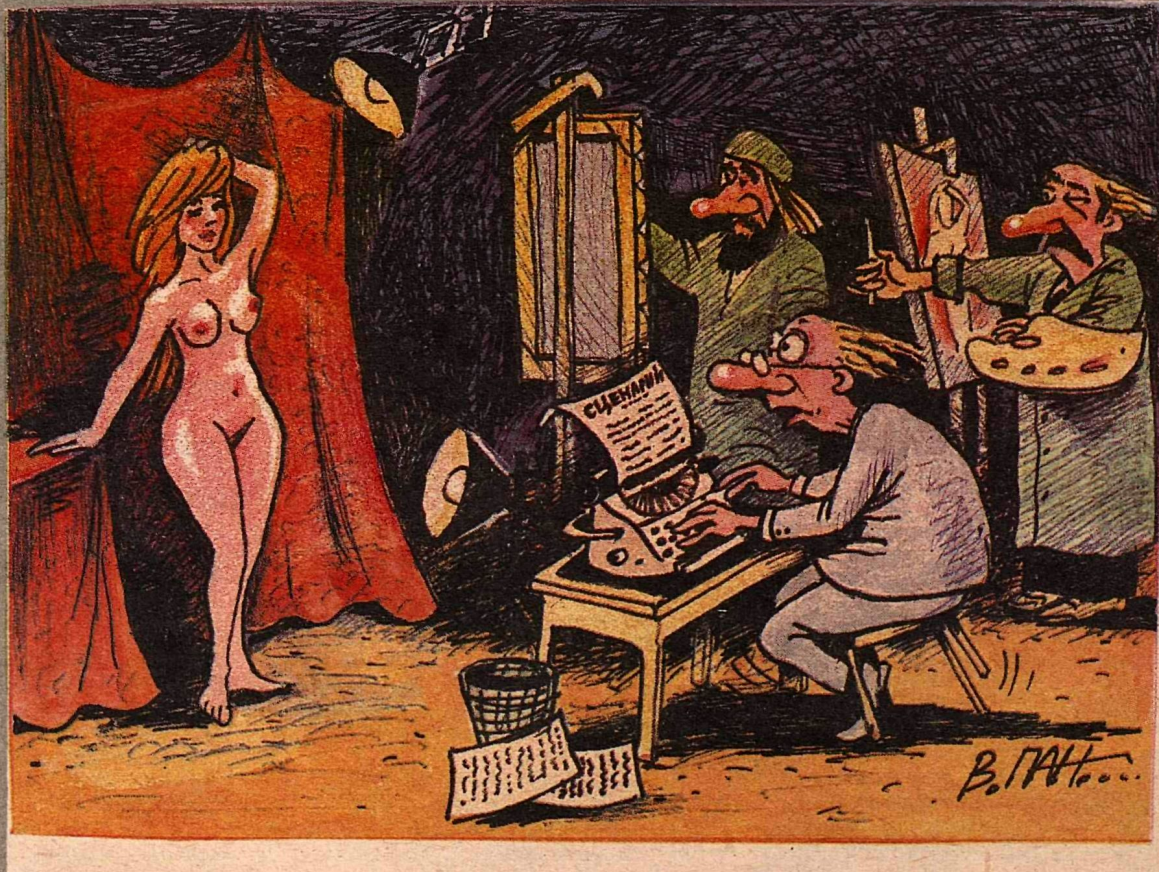
В. ПОЛУХИН.

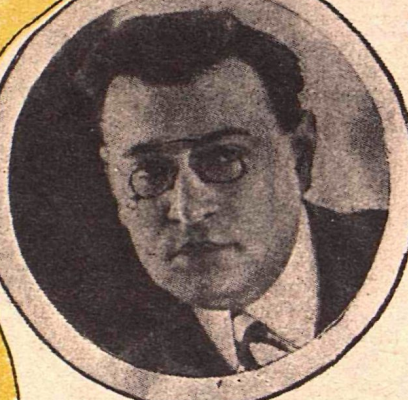
В. ТИЛЬМАН.

В. ИВАНОВ, г. Ярославль.

В. ПАНФИЛОВ, г. Киев.

ИМЕНИ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

Внимание юмористов Советского Союза, обладающих решимостью и фантазией! Журнал «Крокодил» объявляет... Но сначала небольшой экскурс в историю...

В самом начале 1908 года в Санкт-Петербург из провинциального Харькова приехал молодой человек весьма приятной наружности: большой, толстый, близорукий. Как позже скажут о нем — стопроцентный оптимист. Это был Аркадий Аверченко. Он родился в марте 1881 года, стало быть, ему тогда не было и тридцати лет.

Однажды он принес в редакцию юмористического журнала «Стрекоза» несколько своих рассказов. Издатель журнала М. Г. Корнфельд попросил его зайти за ответом через несколько дней. Придя в назначенный час, Аверченко сказал... Но лучше предоставим слово ему самому: «— Знаете что, — сказал я М. Г. Корнфельду со смелостью, на которую способна только молодость, — надо вам переменить название журнала. Ведь вы теперь не имеете ничего общего с прежней «Стрекозой». По крайней мере в отношении рисунков. А слово «Стрекоза» все портит.

— Я сам уже думал об этом, — грустно сказал издатель. — Да жалко, знаете, менять... Свыше тридцати лет была «Стрекоза», а теперь вдруг

I.

Перед директором департамента стоял чиновник и смущенно докладывал:

— Мы получили самые верные сведения... Сомнений больше нет никаких! Так и лезут из земли.

— Что ж это они так... Недоглядели, что ли?

— Да что ж тут доглядывать, ваше пр-во. Дело Божье!

— Конечно, Божье... Но ведь и пословица говорит: на Бога надейся, а сам не плошай. А вы говорите — лезут?! Что же лезет больше?

— Много лезет, ваше пр-во... Рожь, пшеница...

— Но я не понимаю... Теперь, когда агрономическая культура сделала такие шаги, неужели нельзя принять какие-нибудь меры?

— Какие меры, ваше пр-во?

— Чтoб они не лезли, эти самые пшеницы, ржи и прочее.

— Тут уж ничего не поделаешь. Раз полезло из земли — с ним не справишься. Зерно маленькое-маленькое, а силища в нем громадная! Нет уж, видно, судьба такая, чтобы быть урожаем!

— Ну, а мужики что?

— Да что ж мужики — плачут. Сколько лет уже, говорят, не было этих самых урожаев, а тут разгневался Господь — послал.

Директор осмотрел уныло свои ногти и вздохнул.

— Мужиков жаль!

— Да-с. Сюрпризец! Вот уж правду говорят: многострадальный русский народ.

— Э?

— Многострадальный, говорю. И они многострадальные, и мы... Нам-то еще хуже, ваше пр-во! Как начнут эти вагоны требовать, пробки разные устраивать, в газетах нас ругать — чистойшей воды драма.

— А может... еще и недород будет?

— Нет ни малейшей надежды. Я наводил справки. В один голос все — урожай!

В качестве эталона, на который, мы считаем, будущие участники конкурса просто обязаны равняться (но которому, впрочем, не должны подражать — в прямом, эпитетом смысле), публикуем маленький шедевр самого Аркадия Тимофеевича. Прочитав рассказ, вы, возможно, подумаете, что автор сочинил его вчера, специально для «Крокодила». Увы, увы! На рукописи проставлена дата — 1910 год. И взят он нами из знаменитой книжки Аверченко «Веселые устрицы», а в современных сборниках не переиздавался.

БЕДСТВОИЕ

Неожиданный урожай тек. года поставил в большое затруднение как м-во путей сообщения, так и сельских хозяев, принужденных продавать хлеб почти даром.
«Торгово-Промышл. газета».

— Опять эта кутерьма пойдет: бесплатные столовые, общеземские организации на местах, пострадавшие от урожая, крестьянское разорение. Эх ты, русский народ!

В голосе директора послышались лирические нотки.

— Эх ты, русский народ! Кто тебя выдумал, как говорит незабвенный Гоголь... До того ты темен и дик, что от простого урожая отвертеться не можешь.

— Трудно отвертеться, ваше пр-во. Лезет.

— Кто лезет?

— Все, что в земле есть. Поверите — в некоторых местах опасаются, что и фрукты могут дать урожай!!

— Что вы говорите! Эх, хорошо говорил покойный Гоголь: урожай, кто тебя выдумал?

II.

Мужик Савельев стоял у межи своего поля и ругался:

— Ишь ты! Ишь ты, подлая! Так и прет! У людей как у людей — или градом побьет, или скот вытопчет, а у нас хучь ты ее сам лаптем приколачивай!

— Что ты, кум, ворчишь? — спросил, подойдя к Савельеву, мужик Парфен Парфенов.

— Да что, брат-дядя, рожь у меня из земли лезет. И не доглядишь, как урожай будет.

— Ну? — сказал Парфен Парфенов. — Влопаешься ты, кум!

— И то! Сколько лет по-хорошему было: и о прошлом годе — недород, и о позапрошлом — недород, а тут накося! Урожай. Пойти в кусочки потом и больше никаких апельсинов!

— А во, брат, тучка оттеда идет. Помочит, может, — на корню она, подлая, подгниет. Все лучше, чем потом по двугривенному за пуд расторговываться.

Глаза Савелия Савельева загорелись надеждой.

— Где? Где туча?..

— Во. Гляди, может, градом осыплется.

— Вашими бы устами, Парфен Лукич, — сказал повеселевший Савельев, — да мед пить!

Здрав рыжие бороды кверху, долго стояли кумовья и следили за ползущей тучей.

III.

Газета «Голос Мудрости» писала в передовой статье:

— Мы давно призывали общество к более тесному единению и борьбе со страшным бичом русского крестьянина — урожаем! Что

ПЕСНЯ В ПОДАРОК

С популярным артистом театра и кино Семеном Фарадой нам удалось встретиться прямо на съемках, проводимых у него дома выездной съемочной бригадой Центрального телевидения. Однако наши надежды на основательный разговор не оправдались. Как всегда, съемки затянулись, и, едва выйдя из образа поющего холостяка, о котором снимался этот видеоклип, Семен Львович уже торопился на вечерний спектакль в Театр на Таганке. Потому успел только, разведя руками, улыбнуться, извиниться, пожелать нам и всем читателям «Крокодила» всех благ и... подарить песню, с которой он впервые для себя предстал перед публикой в качестве «солиста-вокалиста». До этого С. Фарада был хорошо известен советским кинозрителям как «певец-ансамблист, поющий в манере бельканто, преимущественно на итальянском языке».

И вот новая ступень в творчестве! Это песня на стихи московского поэта-юмориста Юрия Гарина «Холостяцкая лирическая». Она не раз звучала в передачах отдела сатиры и юмора Всесоюзного радио и понравилась слушателям. Уже на ходу Семен Львович добавил, что «Холостяцкая лирическая» записана им для авторской пластинки молодого московского композитора Юрия Мартынова, которая уже находится в производстве и скоро появится на прилавках магазинов. Это первая пластинка-гигант Юрия Мартынова. Называется она «Васильковые глаза» — по названию одной из песен, которую исполнял старший брат Юрия, безвременно ушедший от нас популярный композитор и певец Евгений Мартынов. Помимо этой песни, в пластинку вошли еще 8 других, представляемых такими исполнителями и артистами, как Азиза, Н. Караченцов, О. Зарубина, Ф. Киркоров, А. Ротару, Ю. Мартынов...

М. ЮРЬЕВ

ХОЛОСТЯЦКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ
Музыка Ю. ГАРИНА
Слова Ю. ГАРИНА
Музыка Ю. МАРТЫНОВА

Вы поверьте мне, ребята, хорошо быть неженатым:
Ты один лежишь, мечтаешь и не ссоришься ни с кем,
Тратишь сам свою зарплату, хоть она и маловата...
Все прекрасно, все нормально, все в порядке, нет проблем!

Припев:

А на лестничной площадке пирогами пахнет сладко:
То печет соседка Ира — как на свадьбу — пироги.
Но не сдамся я — и точка! Пирогом не соблазнюсь.
Я и плавленным сырочком обойдусь, но не женюсь!

С часу дня до полвторого я обедаю в столовой,
Не харчо и не сациви, а пельмени с хлебом ем.
Но зато придешь с работы — нет семьи и нет заботы.
Все прекрасно, все нормально, все в порядке, нет проблем!

Припев.

Я гостей не принимаю, никого не угощаю,
Я спокоен и доволен, от души доволен всем.
Приберу да постираю, на ночь книгу полистаю...
Все прекрасно, все нормально, все в порядке, нет проблем!

Припев:

А на лестничной площадке пирогами пахнет сладко:
То печет соседка Ира — как на свадьбу — пироги.
Эх, рискну: женюсь на Ире! Постучался к ней, и вот...
Пироги в ее квартире — не она, жених печет!

С движением

Вы поверьте мне, ребята, хо-ро-шо быть не же-
-на-тым: ты о-дин ле-жишь, меч-та-ешь
и не ссо-ришь-ся ни с кем, тра-тишь сам сво-ю зар-
-плату, хоть о-на и ма-ло-ва-та...
Всё пре-крас-но, всё нор-маль-но, всё в по-ряд-ке, нет проб-
-лем! А на лест-нич-ной пло-щад-ке
пи-ро-га-ми пахнет слад-ко: то пе-чет со-сед-ка
И-ра — как на свадь-бу-пи-ро-ги. Но не сдам-ся я — и
точ-ка! Пи-ро-гом не со-блаз-нюсь.
Я и плавлен-ным сы-роч-ком о-бой-дусь, но не же-нюсь!
Окончание
Пи-ро-ги в е-е квар-ти-ре — не о-на, — же-них пе-чет!

с 1 ноября 1990 года по 1 ноября 1991 года провести Всесоюзный конкурс имени Аркадия Аверченко на лучший юмористический рассказ. Имена победителей будут напечатаны в «Крокодиле» № 1 за 1992 год.

2. Учредить пять премий лауреатам: первая — 500 рублей, вторая — 300 рублей, три третьи — по 200 рублей каждая. Еще пять рассказов получат памятные дипломы. Отобранные произведения увидят свет на страницах «Крокодила», а десять лучших из них составят отдельный сборник нашей «Библиотеки».

3. Образовать жюри в составе: Михаил Андраша (председатель), Владимир Владим, Михаил Казовский, Руслан Киреев, Алексей Пьянов, Владимир Свиридов.

4. Рассказы, перепечатанные на машинке через 2 интервала, не должны превышать 6 стандартных страниц. Произведения объемом 6,0001 страниц к конкурсу не допускаются.

5. На конверте писать: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, 14, «Крокодил», «На конкурс им. А. Аверченко». Письма, отправленные позже 1.11.91, в рамках конкурса рассматриваться не будут. Присланные произведения не рецензируются и не возвращаются. За дело, друзья! Ждем ваших шедевров!

мы видим: в нормальное, спокойное время, когда ряд недородов усыпляет общественное внимание, все забывают, что коварный враг не спит и в это же самое время, может быть, продирает ростками землю, чтобы выбиться наружу зловещими длинными колосьями, словно рядом бичей, угрожающих нашему сельскому хозяйству. А потом ахают и охают, беспомощно мечась перед призраком бедствия:

— Ах, урожай! Ох, урожай!..
И нищает сельское хозяйство, и забываются железные дороги пробками, тормозя нормальное развитие отечественной промышленности. Сельские хозяева! Помните:

— Враг не дремлет!

IV.

По улице большого города шел прохожий.

Истомленные оборванные люди, держа на руках двух ребят, подошли к нему и зашептали голодными голосами:

— Господин! Помогите пострадавшим от урожая!

— Неужели вы пострадавшие? Может, вы только симулируете пострадавших от урожая? — спросил сердобольный прохожий.

— Де там! Хворомный был урожай!

— И много у вас уродилось?

— Сам-двадцать!

— Несчастные! — ахнул прохожий. — Натя вам три рубля. Может, поправитесь.

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

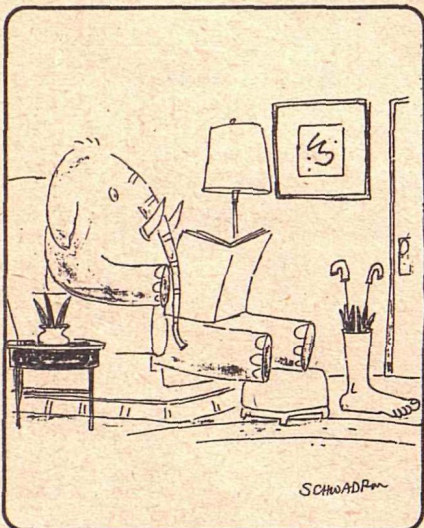
.....

— Негодяй! Вы разве не видите, что моя дочь хотела бы потанцевать?

РЕЙЗИНГЕР, Загреб, Югославия.

SCHWADRON

ШВАДРОН, США.

Из дневника одной дамы, которая совершила свое первое путешествие через Атлантику на корабле.

«Понедельник. Сегодня я обедала за одним столом с капитаном.

Вторник. Все утро провела на капитанском мостике.

Среда. Сегодня капитан мне сделал неприличное предложение.

Четверг. Капитан угрожает, что потопит корабль, если я не приму его предложение.

Пятница. Я счастлива... Сегодня ночью я спасла четыреста человеческих жизней!»

— Мама, перед дверью стоят двое и поют.

— Дай каждому по пять франков и скажи, чтобы уходили.

— Не уверена, что они уйдут. Один из них — папа!

Заклоченный пишет жене:
«Дорогая Софи, будь добра, принеси мне несколько пилок. Почти каждый день после обеда мы собираемся поболтать и в это время делаем себе маникюр».

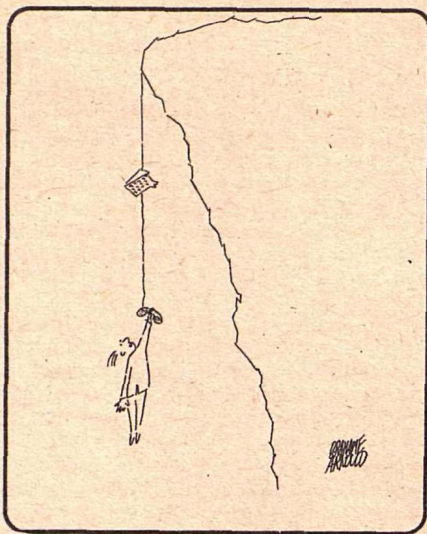
— А что из себя представляет улица с односторонним движением?

— Это улица, на которой в вас могут врезаться только сзади.

ШЕРЛОК ХОЛМС. Ватсон, я вижу, вы перволновались сегодня утром...

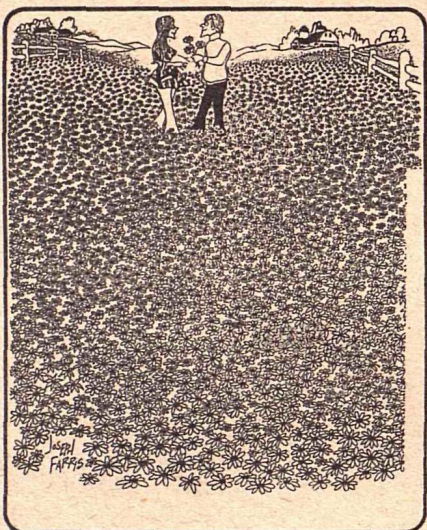
ВАТСОН. Блестяще, Холмс! Снова ваш дедуктивный метод?

ШЕРЛОК ХОЛМС. Гм, вы забыли надеть брюки, Ватсон.

— Да, я еще держусь!

АРНОЛЬД, Канада.

— Как сладко!

ФЕРРИС, США.

— Интересно, о какой форме одежды говорится в приглашении.

ХАЗБЕНД, Лондон, Англия.

ПРИЕЗЖИЙ. Неплохой городок! А какое здесь основное занятие?

МЕСТНЫЙ (позевывая). У нас все зависит от сезона. Зимой мы сидим у восточной стороны дома и передвигаемся вслед за солнцем к западу, а летом — все наоборот.

— Привет, сосед! Пришел похвалиться — купил машину!

— Отлично! Это дело нужно обмыть.

— Я бы предпочел кусочек хлеба...

Из «Стыршела», Болгария, и книги «10 000 старых анекдотов», США.

Валентин ПЛАМЕНОВ (Болгария)

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

У меня сломалась машина. На работе у меня одни неприятности.

Жена от меня ушла.

Что мне делать? Я пошел к врачу. К психиатру.

— Машина сломалась, на работе неприятности, жена ушла, — пожаловался я доктору. — Это конец. Я этого не перенесу.

Он на минуту задумался и, вздохнув, спросил:

— А как ваше сердце?

— При чем здесь сердце? — удивился я.

— Человек не должен отчаиваться до тех пор, пока в его груди бьется сердце, — ответил психиатр. — Прислушайтесь к голосу собственного сердца, и оно вам подскажет, как надо поступать дальше.

Он пригласил в свой кабинет следующего пациента, а я вышел на улицу и улыбнулся своим мыслям. Стало быть, надо прислушаться к голосу сердца?

Когда-то мое сердце влюбилось в одну женщину, однако женился я на другой.

Меня влекла природа, но я закрылся в кабинете.

Мне хотелось говорить правду, но я молотл всякую чепуху.

Мои сверстники перенесли по нескольку инфарктов. У меня не было ни одного. Только время от времени я болел простудой.

Мое сердце уже в течение многих лет не желает со мной разговаривать.

Я ощупал пульс: как там оно, сердце? Работает, как «Сейко». Тихо и уверенно.

Ладно, машину я отремонтировал.

На работе навел такой шорох, что все теперь вокруг меня ходят на цыпочках.

С женой тоже все уладил, дав ей понять, что со мной шутки плохи. Пусть только пикнет или попытается еще раз от меня уйти, я ей такой

развод устрою, что до конца жизни мыкаться будет!..

Теперь остался только психиатр. Я приготовился высказать ему проверенную жизнью истину, такую, например:

Сердце ничего не смыслит в жизни.

Если будешь им руководствоваться, вряд ли далеко пойдешь.

Другое дело — локти. Тренированные локти тебя не обманут. Они имеют свои критерии. Если бы пациенты платили вам за ваши услуги, доктор, вы бы им советовали прислушаться не к биению сердца, а к голосу локтей. Не так ли?

Однако вас как раз и злит то, что пациенты вам не платят. Потому вы им и советуете прислушиваться к голосу сердца. Это куда легче, а?

Куда легче говорить правду, куда легче жениться по любви. Легче даже иметь чистую совесть.

Легче, возможно, получить инфаркт, чем таскаться по нотариальным конторам или нанимать себе адвоката.

Собственно, в мире, товарищ доктор, есть два типа людей. Одни живут сердцем, а другие — локтями.

Пока я думал о том, что скажу доктору, подошла моя очередь. Но я решил уйти. Пускай этот психиатр лечит себе других пациентов. Наивных сердечников.

Вон как раз вышел из кабинета один из тех, кто завтра отправится куда-нибудь по велению своего сердца. Я голову даю на отсечение, что первое, что он сделает, — это набросится на нас. На тех, кто прислушивается к тренированным локтям. И сломает себе шею. Ага!

Ведь, в сущности, психиатр — наш человек. Наш агент. Рекрутирует сердечников. Все, что он может, он делает бесplatно.

Перевел В. МИРОШНИЧЕНКО,
г. Борисполь.

Анатолий ПОТЕМКОВСКИЙ (Польша)

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Нас давно интриговала особа астрофизика Кибитки.

В физике мы разбирались средне. В астрологии так себе. В астрономии еще хуже.

Астрофизика для нас — дело совершенно загадочное.

Мы видели несколько раз астрофизика Кибитку после четвертинки на персону, и нам трудно было предположить, что в какой-либо деятельности Кибитка может достичь хотя бы среднего результата.

Недавно астрофизик Кибитка похвалился, что после дополнительной переподготовки он работает в области астрофизической информатики.

— В чем заключается эта работа? — спросили мы Кибитку, еще более заинтригованные.

Астрофизический информатик задумался.

— Видите ли... — начал он. — Нужно утром встать в семь часов. Потом приготовить себе завтрак и ехать в автобусе.

— В каком автобусе? — спросили мы.

— В 116-м или 122-м, — сказал астрофизический информатик. — Проехав четыре остановки, нужно подняться на четвертый этаж.

— Лифт есть?

— Есть. Потом нужно прочитать газеты, выпить чай. Чай у нас заваривает секретарша Роза.

— Все? — спросили мы.

— Нет, — сказал астрофизический информатик Кибитка. — Потом надо просмотреть бумаги, если они появятся. В первом часу снова дают чай. В четыре часа — домой.

Мы сказали Кибитке, что у него очень хорошая работа.

Но мы только из вежливости выразили такую точку зрения. Ведь если сказать по правде, работа как работа. Как и у каждого из нас, ничего из ряда вон выходящего...

Перевела с польского
А. ЛОСЮКОВА.

Абел АГАНБЕГЯН

Программы рынка рассмотрел он И, каждой отдавая дань,
В телегу впрячь решился смело
Коня и трепетную лань.

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

Шарж В. МОЧАЛОВА.

ВНИМАНИЮ ЛЮБИТЕЛЕЙ КАРИКАТУРЫ!

В этом году заканчивается конкурс карикатуристов «Глазами гласности».

По условиям конкурса, одну из первых премий должны присудить сами читатели.

Пересмотрите, пожалуйста, все конкурсные карикатуры, опубликованные «Крокодилом» в 1989—1990 гг., определите самого достойного, по вашему мнению, кандидата в лауреаты и сообщите редакции ваш приговор.

На открытках сделайте пометку «Народный лауреат».

ИСПРАВЛЕННОМУ — ВЕРИТЬ!

В фельетоне «Номенклатурный погост» (№ 26) в конце первой колонки следует читать: «Вот белый лебедь — символ творческой судьбы Собинова. Автор — Вера Мухина. В прошлом году праздновали столетие Мухиной,

заодно и Собинова не забыли». Далее — по тексту. Благодарим читателей, которые обнаружили неточность и тем самым позволили нам вовремя реабилитироваться в глазах общественности.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Средство межнационального общения (*одуш.*). 3. Пожарная накачка. 5. Бросовая часть судна. 7. Стол средней образованности. 8. Кинообъява. 9. Товар, сопутствующий мясной торговле. 13. Садовая шипучка. 14. Землекоп в бархатной шубе. 15. Сын питекантропа, отец кроманьонца. 20. Потрясающая форма общения. 21. Душевный позывной. 22. ЧП корабельного масштаба. 23. Древесная шелестелка.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Эх, предложение Козлевича. 2. Время на башне. 4. Новые обстоятельства. 6. Лошадка на крыше. 10. Атрибут старого анекдота. 11. Воспевуха (*поэтич.*). 12. Подрывной элемент. 14. Куллет вороньей песни. 16. Разливная ладья (*др.-русск.*). 17. Мучительный напиток (*ильфо-петровск.*). 18. Звучное единство. 19. Австралийская подружка уткуноса.

Составила
Н. БУГРОВА.

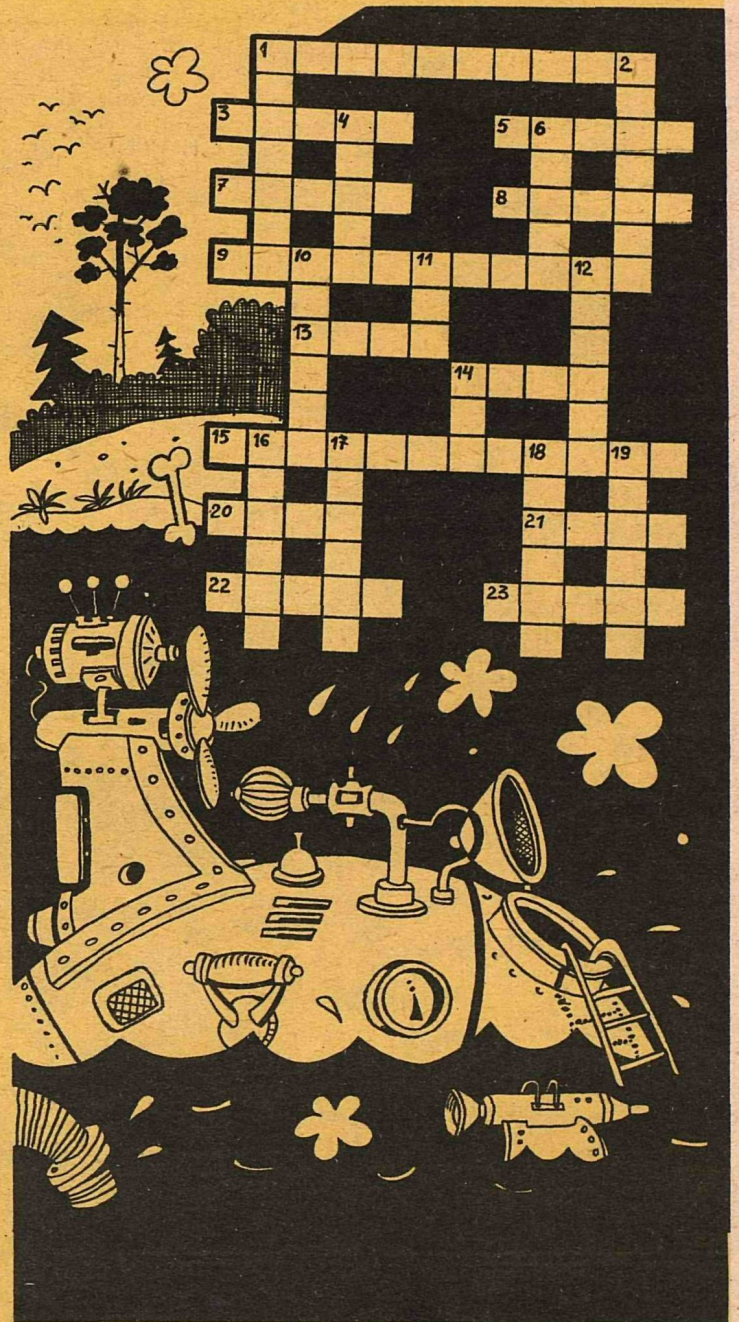
ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 30

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Нефтепровод. 7. Комар. 8. Смерч. 11. База. 13. Урал. 14. Тиран. 15. Ричард. 17. Статуя. 18. Горчичник. 21. Скалка. 22. Стукач. 23. Раунд. 25. Диод. 26. Ужин. 27. Обуза. 29. Асуан. 31. Интервенция.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Немо. 2. Атлант. 3. Лоцман. 4. Бобр. 6. Сатисфакция. 7. Кабан. 9. Чулан. 10. Факультатив. 12. Президиум. 16. Дрова. 17. Стикс. 19. Блюдо. 20. Шушун. 23. Размер. 24. Десант. 28. Баня. 30. Азия.

ВОТ ЭТО ДА!

НОВЫЙ
РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ
«ПЛЕЙКОМ»
ИЩЕТ
СВОЕГО
ЧИТАТЕЛЯ

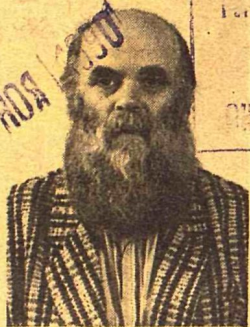

Оптовым
торговцам
обращаться:
Рига,
тел. 210 162

КРОКОДИЛ ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ СТРАНИЦЫ
ДЛЯ РЕКЛАМЫ ЛЮБЫХ ТОВАРОВ И УСЛУГ,
ЛЮБОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ И БЫТОВОЙ
ПРОДУКЦИИ, ДЛЯ ЛЮБОЙ ДЕЛОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ.

Справки об условиях публикации по телефону:
212 13 59.

ВСЕСОЮЗНАЯ
ордена „ЗНАК ПОЧЕТА“
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПАЛАТА
1990 г.
КОНТРОЛЬНЫЙ № 10000

Владимир
ТИЛЬМАН

Перелистайте крокодильские подшивки за последние лет тридцать — всюду мелькает его фамилия. В редакции он известен как самый плодовитый темист, так сказать, Мыслитель номер один.

Уроженец Хабаровска. Биографию свою знает крайне приблизительно. Говорит о себе так: «Проиллюстрировал десятки книг, придумал тысячи тем, сделал, наверное, штук тридцать диафильмов, участвовал примерно в двадцати международных выставках, получил, думаю, не меньше семи крокодильских годовых премий...»

Лишь одну цифру Владимир Ильич назвал точно: родился пятьдесят лет назад.

